

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

СИНХРОНИЗАЦИЯ
СМЕРТИ

Эдуард Сероусов
Синхронизация смерти

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Синхронизация смерти / Э. Сероусов — «Автор», 2026

2147 год. Восемьдесят лет человечество кричало в космос — и наконец получило ответ. Но не тот, которого ждало. Проект «Эхо» обнаружил 4 271 источник разумных сигналов. Ни один не отвечает. Они молчат намеренно. Астрофизик Надир Хассан узнаёт почему: понимание между разумами порождает Резонанс — физический феномен, уничтожающий звёзды. Говорить — смерть. Молчать — медленное угасание. Пока учёные спорят, а военные готовят оружие, древняя цивилизация предлагает третий путь. Но цена контакта может оказаться выше, чем кто-либо готов заплатить. Семейная драма на фоне первого контакта. Твёрдая научная фантастика в традициях Лема и Уоттса. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Семь секунд	5
Часть первая: Молчание	13
Глава 1: 4271	13
Глава 2: Импринт	25
Глава 3: Обед	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эдуард Сероусов

Синхронизация смерти

Пролог: Семь секунд

Тринадцатый раз.

Надир Хассан стоял в центре голографической сферы диаметром восемь метров и смотрел, как умирает звезда. Не взрывается – умирает. Разница принципиальна. Взрыв – это физика, понятная и почти утешительная в своей предсказуемости. То, что происходило перед ним, физикой не являлось. Или являлось такой её разновидностью, для которой у человечества пока не существовало ни языка, ни математики.

Он провёл ладонью по сенсорной панели, и время потекло вспять. Звезда КХ-7 – жёлтый карлик, почти близнец Солнца – восстановила свою форму. Четыре планеты вернулись на орбиты: две каменные, одна газовый гигант, одна ледяная окраина. Спектральные линии снова показывали кислород, азот, следы метана в атмосфере второй планеты. Жизнь. Разумная жизнь. Тринадцать миллиардов существ, о которых он не знал почти ничего – кроме того, как они умерли.

Надир нажал «воспроизведение».

Первые три секунды ничего не менялось. Данные поступали с семнадцати телескопов сети «Эхо», разбросанных по Солнечной системе, – избыточность, необходимая для достоверности. Он выучил эти три секунды покоя наизусть: чуть заметное колебание магнитного поля звезды, нормальное для G-типа; орбитальный резонанс между второй и третьей планетами; радиосум цивилизации – организованный, многослойный, несущий смысл, который люди так и не успели расшифровать.

Секунда четвёртая.

Индикатор в углу голограммы – тонкая полоска, которую Надир добавил после третьего просмотра – мигнул жёлтым. Два и три десятых процента. Фоновый уровень того, что доктор Чжан Вэй назвал «резонансным искривлением пространства-времени». Величина, не имевшая смысла одиннадцать лет назад, когда телескопы зафиксировали эти данные. Величина, которая теперь не давала Надиру спать.

Секунда пятая.

Жёлтый сменился оранжевым. Пять и семь десятых процента. На второй планете – там, где предположительно находились крупнейшие города – вспыхнули новые источники излучения. Не взрывы. Надир проверял. Спектр не соответствовал ни одному известному типу детонации. Скорее – выбросы энергии неопределённой природы. Как будто что-то пыталось... Он оборвал мысль. Антропоморфизация – первый шаг к ошибке.

Секунда шестая.

Оранжевый превратился в красный. Восемь и два процента. Звезда начала деформироваться. Не схлопываться – именно деформироваться, словно невидимая рука сжимала её с разных сторон неравномерно. Солнечная корона вытянулась спиралью в сторону второй планеты. Магнитное поле скрутилось в конфигурацию, которую Надир не видел ни в одной модели звёздной эволюции. Чжан Вэй назвал её «топологической аномалией» – термин, означающий «мы не понимаем, что это».

Надир замедлил воспроизведение. Следующие полторы секунды он изучал покадрово уже одиннадцать раз – и каждый раз чувствовал одно и то же. Не страх. Страх был бы слишком простой реакцией, слишком человеческой. То, что он чувствовал, ближе всего описывалось

словом «отторжение» – как будто его сознание отказывалось принимать входящие данные, пыталось отвернуться от экрана, который существовал только у него в голове.

Секунда шесть-точка-пять.

Вторая планета начала вытягиваться. Литосфера, мантия, ядро – слои, формировавшиеся четыре миллиарда лет, – потекли, как краска в воде. Города, океаны, континенты, атмосфера – всё превратилось в струю вещества, направленную к звезде. Но не падающую на неё. Струя изгибалась, закручивалась, образуя спираль вокруг деформированного светила. Тринадцать миллиардов существ. Надир заставил себя думать об этом. Тринадцать миллиардов сознаний, каждое из которых в этот момент что-то чувствовало. Страх? Боль? Или что-то, для чего нет человеческих слов?

Секунда семь.

Красный индикатор достиг отметки «9.8%» – и исчез. Не потому что показатель упал. Потому что датчики перестали передавать данные. Все семнадцать телескопов зафиксировали одно и то же: в точке пространства, где только что находилась звёздная система с разумной цивилизацией, не осталось ничего. Ни излучения. Ни гравитации. Ни материи.

Пустота.

Надир остановил воспроизведение. Голограмма замерла на последнем кадре – чёрный круг на фоне звёздного поля. Не чёрная дыра: отсутствовало характерное гравитационное линзирование. Не облако пыли: никаких следов вещества в спектре. Просто – ничего. Область пространства, из которой исчезло всё, включая само пространство.

Он стоял неподвижно, глядя на эту черноту. Где-то за пределами сферы гудели системы охлаждения серверов. Под ногами едва ощутимо вибрировал пол – следствие работы реакторов купола «Надежда». Обычные звуки обычной ночи на Марсе, третий час по местному времени. Большинство персонала проекта «Эхо» спали. Надир не мог вспомнить, когда сам спал последний раз. Три дня назад? Четыре?

Он потёр глаза. Под веками плавали цветные пятна – остаточные образы от голограммы. Или от усталости. Или от того, что его мозг отказывался обрабатывать увиденное и выдавал визуальный шум вместо осмысленной картинки.

Тринадцатый просмотр. Тринадцатая попытка найти ошибку.

Ошибку в данных. В калибровке телескопов. В синхронизации временных меток. В алгоритмах реконструкции. В чём угодно. Потому что если ошибки нет, то...

Надир не позволил себе закончить мысль. Это тоже было защитным механизмом – одним из многих, которые он выработал за пятьдесят восемь лет жизни между двух культур, двух языков, двух способов думать о мире. Не думай о том, что не можешь изменить. Не чувствуй того, что не можешь выразить. Не надейся на то, что не можешь измерить.

Измерить.

Он снова запустил воспроизведение, сосредоточившись на индикаторе резонанса. Жёлтый – оранжевый – красный. Два-три – пять-семь – восемь-два – девять-восемь. Кривая роста нелинейная, почти экспоненциальная в последние полсекунды. Что происходит выше десяти процентов? Никто не знал. Датчики не были рассчитаны на такие значения – одиннадцать лет назад эти цифры вообще ничего не значили. Их добавили в протокол измерений случайно, как часть общего фонового мониторинга. Побочный продукт поиска гравитационных волн.

Побочный продукт. Надир почти улыбнулся – уголки губ дрогнули и замерли. Вся история науки – это история побочных продуктов. Пенициллин. Микроволновое излучение. Реликтовое излучение Вселенной. Теперь – резонансное искривление. Открытие, которое никто не хотел делать.

Он свернул голограмму и вышел из сферы. Коридор центра обработки данных встретил его белым светом и запахом озона – стандартная атмосфера марсианских куполов, чуть более

насыщенная кислородом, чем на Земле. В первые месяцы после переезда это вызывало лёгкую эйфорию. Теперь он не замечал.

Кабинет Надира находился двумя уровнями выше, но он не стал вызывать лифт. Лифты – замкнутые пространства. Маленькие металлические коробки, подвешенные над бездной шахты. Иррациональный страх, которому он не мог найти объяснения в своей биографии: никаких травматических инцидентов, никаких застреваний между этажами, ничего. Просто – не мог. Сорок этажей пешком. Восемьсот ступеней. Он считал.

Лестничная клетка была пуста – в три часа ночи редко кто выбирал физические нагрузки вместо сна. НаDIR поднимался медленно, позволяя телу двигаться на автопилоте, а сознанию – блуждать.

Тринадцать миллиардов.

Цифра, слишком большая для восприятия. Население Земли – девять миллиардов. Он пытался представить: полторы Земли. Все люди, которых он знал, – и ещё столько же. И ещё половина сверху. Лица, имена, истории, страхи, надежды, любви, обиды, сны. Исчезнувшие за семь секунд.

Он остановился на площадке двенадцатого уровня, чтобы отдышаться. Возраст брал своё: в тридцать он взлетал на сороковой этаж, не сбивая дыхания. В пятьдесят восемь – приходилось делать паузы. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках. Обычная физиология. Понятная. Измеримая.

«Измеримое можно контролировать», – говорил его отец. Рафик Хассан, физик-теоретик из Каира, человек, для которого весь мир был системой уравнений, ожидающих решения. «Неизмеримое – либо иллюзия, либо ещё не открытая переменная». НаDIR вырос с этой максимой, впитал её с молоком матери – хотя мать как раз придерживалась противоположных взглядов. Фатима Хассан верила в то, что не все вещи предназначены для понимания. Некоторые – только для принятия.

Они развелись, когда НаDIRу было четырнадцать. Не смогли понять друг друга. Или поняли слишком хорошо.

Он возобновил подъём, отталкивая мысли о родителях туда, где они обычно лежали – в закрытый отсек памяти, открывать который было незачем. Двадцатый уровень. Двадцать пятый. Тридцатый. Ноги двигались механически, руки скользили по перилам. Тридцать пять. Сорок.

Кабинет встретил его темнотой и мерцанием ждущих сообщений на рабочем терминале. Двести сорок три непрочитанных. НаDIR проигнорировал их, сел в кресло и уставился на стену.

На стене висела единственная фотография – не голограмма, не проекция, а настоящий отпечаток на фотобумаге, раритет из прошлого века. Снимок из архива SETI, датированный 2067 годом: группа учёных у панели управления радиотелескопа «Аресибо-2». Молодые, полные надежды лица. Первое поколение «искателей» – людей, веривших, что контакт с внеземным разумом изменит человечество к лучшему.

Восемьдесят лет назад. Восемьдесят лет криков в пустоту.

НаDIR закрыл глаза. За веками снова возникла картина – вытягивающаяся планета, скручивающаяся звезда, чёрная дыра небытия на месте того, что секунду назад было домом для тринадцати миллиардов сознаний. Он не мог перестать это видеть. Не мог перестать считать.

Секунда первая: 0%. Секунда вторая: 0,4%. Секунда третья: 1,1%. Секунда четвёртая: 2,3%. Секунда пятая: 5,7%. Секунда шестая: 8,2%. Секунда семь: 9,8% – и тишина.

Кривая. Экспонента. Формула.

Чжан Вэй потратил четырнадцать месяцев на поиск уравнения, описывающего эту кривую. Нашёл – и не смог объяснить, что оно означает. «Это как если бы гравитационная постоянная вдруг стала переменной», – сказал он на том памятном заседании. – «Или как если бы

информация имела массу. Или...» Он замолчал тогда, подбирая слова. «Или как если бы само понятие "существования" оказалось условным».

Надир помнил, как повисла тишина в зале. Сорок семь человек – лучшие умы человечества в области астрофизики, космологии, теоретической физики – и ни один не знал, что сказать. Потому что если Чжан Вэй прав, то...

Он открыл глаза.

На терминале мигало двести сорок четыре сообщения. Кто-то добавил ещё одно, пока он размышлял. Надир потянулся к панели, вызвал список – и замер.

Верхнее сообщение было от Майи. Жена не писала ему третий день, после того спора – очередного, похожего на все предыдущие, – и вот теперь: «Нам нужно поговорить. Не о работе. О нас».

Он смотрел на эти десять слов и чувствовал странную отстранённость. Как будто сообщение предназначалось кому-то другому. Как будто «мы» и «нас» относились к людям, которых он знал когда-то давно, в другой жизни, до того как семнадцать телескопов зафиксировали смерть цивилизации за семь секунд.

Тридцать лет брака. Тридцать лет попыток понять друг друга. Иногда ему казалось, что они приближались – в те редкие моменты, когда разговор вдруг становился настоящим, когда слова теряли свою защитную функцию и превращались в мосты. Но потом что-то ломалось. Всегда что-то ломалось.

Резонанс, подумал он. Маленький, бытовой резонанс. Две частоты, которые никогда не могут синхронизироваться – или боятся синхронизации.

Он закрыл сообщение, не ответив. Потом – обязательно. Сейчас у него не было слов.

На втором месте в списке – отчёт от Кармен Охеды, оператора ночной смены. «Аномалия в секторе 7-Каппа. Нужна ваша консультация». Надир открыл вложение: спектрограммы, временные ряды, статистический анализ. Рутинная. Сотни таких отчётов приходили каждую неделю – необъяснимые всплески, странные паттерны, шум, похожий на сигнал. В девяноста девяти случаях из ста оказывалось либо помехой, либо артефактом обработки. Оставшийся процент попадал в категорию «требуется дальнейшего изучения» – и там, как правило, умирал от недостатка данных.

Но Кармен отметила сообщение красным флажком. Она никогда не отмечала красным без причины.

Надир открыл спектрограмму и нахмурился. Источник сигнала – архивная запись из сектора 7-Каппа, датированная 2133 годом. Четырнадцать лет назад. Система КХ-7.

Та самая.

Сердце дрогнуло – один удар, пропущенный или лишний, он не понял. Пальцы на сенсорной панели чуть дрожали, когда он масштабировал изображение.

КХ-7 начала вещать за три года до коллапса. Они знали это – знали давно. Четырнадцать лет радиомолчания, потом внезапный всплеск активности. Хаотичный. Некогерентный. Тогда его списали на естественные процессы в магнитосфере. Теперь, после того как стало известно, чем всё закончилось...

Кармен выделила один сегмент записи. Там, среди белого шума, прослеживалась структура. Повторяющаяся. Модулированная. Не похожая ни на что естественное.

Надир почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Физиологическая реакция на неизвестное – атавизм из времён, когда предки боялись хищников в высокой траве. Он никогда не думал, что сможет так реагировать на набор данных.

Но это были не просто данные.

Это было сообщение. Последнее сообщение цивилизации, которая знала, что умирает.

Он должен был спуститься в центр обработки, вызвать команду, начать полноценный анализ. Протокол требовал именно этого. Вместо этого он сидел неподвижно и смотрел на

экран, где мигала красная точка – метка Кармен – рядом с фрагментом записи, который она озаглавила просто: «Похоже на попытку коммуникации».

Попытка коммуникации.

За три года до того, как 9,8% превратились в абсолютную пустоту.

Надир откинулся в кресле, глядя в потолок. Марсианская ночь за окнами купола – чёрная, безлунная, усыпанная немигающими звёздами. Где-то там, в четырёхстах световых годах, находилось место, которое раньше было системой КХ-7. Пустота. Шрам во вселенной. И голос, который пытался что-то сказать перед смертью.

Тринадцать миллиардов существ. Семь секунд.

Что вы хотели нам передать?

Он снова закрыл глаза. За веками – та же картина. Всегда та же картина. Планета, вытягивающаяся в струну света. Звезда, сминающаяся в невозможную спираль. Индикатор, мигающий красным.

9,8%.

Порог. Граница. Точка невозврата.

Что происходит за ней?

Надир не верил в Бога – отец вытравил религию из его сознания так же тщательно, как учил дифференциальному исчислению. Не верил в судьбу – мать пыталась привить эту веру, но он сопротивлялся с упрямством, которое позже будут называть «принципиальностью». Не верил в предназначение – случайные мутации, естественный отбор, четыре миллиарда лет эволюции. Никакой цели. Никакого плана.

Но сейчас, глядя на мигающую точку чужого отчаяния, он чувствовал что-то похожее на то, чего никогда не чувствовал прежде. Что-то, для чего не было научного термина.

Страх? Нет. Страх – это реакция на конкретную угрозу. То, что он испытывал, было глубже.

Отчаяние? Ближе. Но отчаяние предполагает надежду, которая рухнула. Он не был уверен, что когда-либо надеялся на что-то определённое.

Признание.

Вот оно. Слово выплыло откуда-то из подсознания – неожиданное, точное. Он признавал. Признавал, что есть вещи, которые не может контролировать. Признавал, что измерение не всегда ведёт к пониманию. Признавал, что четырнадцать лет молчания могли оказаться не ответом – просто паузой перед вопросом, который никто не хотел слышать.

Признавал, что его отец ошибался. Неизмеримое – не иллюзия. Иногда оно просто смотрит на тебя из черноты экрана и ждёт.

Терминал снова мигнул – двести сорок пять сообщений. Ещё одно от Майи. «Я знаю, что ты видел это сообщение. Ответ. Пожалуйста».

Надир смотрел на слово «пожалуйста» – такое обыденное, такое человеческое – и думал о том, как цивилизация КХ-7 провела свои последние три года. Знали ли они, что умирают? Пытались ли понять – что именно их убивает? Были ли среди них те, кто, как он сейчас, сидел в темноте и смотрел на данные, отказывающиеся складываться в осмысленную картину?

Были ли среди них те, чьи партнёры писали им: «Нам нужно поговорить»?

Он потянулся к терминалу. Пальцы замерли над клавиатурой. Что сказать? «Извини, я занят – изучаю гибель целой планеты»? «Потом – сейчас не могу»? «Я не знаю, как разговаривать о нас, когда "мы" – всё человечество – возможно, уже занесены в чей-то список исчезающих видов»?

Он написал: «Вернусь утром. Поговорим».

Семь слов. Технически – ответ. Практически – очередная стена между ними. Он знал это. Она знала это. Они оба делали вид, что не знают – ритуал, доведённый до автоматизма за тридцать лет брака.

Надир встал, прошёлся по кабинету. Пять шагов от стола до окна. Пять шагов обратно. Маленькое пространство, но не замкнутое – стеклянная стена открывала вид на марсианскую пустыню, подсвеченную огнями купола. Красно-бурая равнина, уходящая к горизонту. Холмы на западе – край ударного кратера Гейла, где сто лет назад ползал первый марсоход «Кьюриосити». Теперь там стоял мемориал. Памятник эпохе, когда люди ещё не знали о Резонансе.

Резонанс.

Слово, которое Чжан Вэй придумал полгода назад – и которое уже успело стать проклятием. Не потому что оно неточное. Потому что слишком точное. Потому что описывает именно то, что происходит, когда индикатор переваливает за десять процентов.

Резонанс – это когда две частоты совпадают. Когда колебания усиливают друг друга вместо того, чтобы гасить. Когда мост начинает раскачиваться всё сильнее, пока не рухнет. Когда бокал разбивается от правильно подобранной ноты.

Когда целая цивилизация исчезает за семь секунд.

Надир прижался лбом к стеклу. Холод успокаивал – якорь в реальности, напоминание о физическом теле, о том, что он всё ещё существует, всё ещё состоит из атомов, занимает определённое пространство. Где-то внизу, под куполом, спали два миллиона человек. Марсианская колония. Люди, которые верили, что расселение по Солнечной системе – страховка от вымирания. Не все яйца в одной корзине. Логика выживания вида.

Логика, которая ничего не значила, если коллапс мог достать тебя где угодно.

КХ-7 была не единственной. Надир видел данные – восемьсот сорок семь «пустот» за двести лет наблюдений. Восемьсот сорок семь звёздных систем, превратившихся в ничто. Не все – цивилизации. Большинство, вероятно, – необитаемые миры, попавшие под чужой резонанс. Случайные жертвы. Побочный ущерб.

Но некоторые – точно цивилизации. КХ-7 была не единственной. Просто – ближайшей. Просто – той, чьи последние вопли они успели записать.

Надир развернулся, пошёл обратно к терминалу. Красная точка всё ещё мигала – отчёт Кармен ждал реакции. Он откроет его утром, с командой. Сейчас – сейчас ему нужно было другое.

Он вызвал архив личных записей. Пароль – дата рождения Амира, их сына. Шестнадцать лет назад. Единственная дата, которую Надир помнил без календаря.

Папка открылась, показывая список файлов. Дневники – не для публикации, не для истории. Для себя. Для моментов, когда мысли не помещались в голову и требовали выхода. Последняя запись – три недели назад. После первого просмотра реконструкции КХ-7.

Он открыл новый файл. Курсор мигал на белом экране – приглашение, которое он не знал, как принять.

«Тринадцатый раз», – написал он наконец. – «Ошибки нет».

Три слова. Достаточно, чтобы зафиксировать момент. Недостаточно, чтобы объяснить, что он чувствует.

«Что убило их?» – добавил он. – «Не "как". "Как" – это физика, это данные, это кривая резонанса от нуля до девяти целых восемь десятых процента за семь секунд. "Как" мы понимаем – хотя бы на уровне описания, если не механизма. Но "что"? Что запустило процесс? Что выбрало именно эту систему, именно этот момент? Случайность? Закономерность? Или...»

Он оборвал запись, не закончив мысль. «Или» было слишком большим для слов. «Или» предполагало намерение. Волю. Сознание, стоящее за процессом.

Нет, поправил он себя. Не думай об этом. Не позволяй разуму сваливаться в мистику.

Но разум не слушался. Разум рисовал картины, которых не было в данных. Разум спрашивал: если резонанс – это столкновение двух частот, то что было второй частотой? Кто – или что – «отвечал» цивилизации КХ-7 в те последние три года?

Кто слушал их крики?

Надир закрыл дневник. Закрыл терминал. Закрыл глаза.

За веками – чёрный круг на фоне звёзд. Пустота. Шрам. Дверь?

Он не знал. Впервые за всю карьеру учёного – он не знал, как искать ответ. Все привычные инструменты казались бессильными перед вопросом, который сам по себе был невозможен.

Что убило целую цивилизацию за семь секунд?

И – следующий вопрос, тот, который он не позволял себе формулировать вслух, но который уже жил где-то в глубине сознания, отравляя каждую мысль:

Сможем ли мы, когда придёт наш черёд, хотя бы крикнуть?

За окном марсианское небо начало бледнеть – первые признаки рассвета, тусклого и пыльного, непохожего на земные восходы. Новый день. Ещё один день из тех, что осталось человечеству.

Сколько их?

Надир не знал. Никто не знал.

Он только знал, что в архивах проекта «Эхо» – 4271 источник сигналов. 4271 голос, который когда-то кричал в космос, как кричали люди последние восемьдесят лет.

Ни один не отвечает.

Ни один – кроме КХ-7. Которая три года пыталась что-то сказать.

И потом замолчала навсегда.

Часть первая: Молчание

Глава 1: 4271

Утро началось с цифр.

Надир смотрел на экран, где бежали строки автоматического отчёта – ежедневная сводка проекта «Эхо», сгенерированная в 06:00 по марсианскому времени. Количество активных телескопов: 2 341 из 2 347. Шесть на профилактике, один – станция «Ганимед-7» – с неполадками в системе охлаждения. Объём обработанных данных за сутки: 847 петабайт. Количество зарегистрированных аномалий: 12 304. Количество аномалий, прошедших первичный фильтр: 89. Количество аномалий, рекомендованных к ручному анализу: 7.

И главная цифра, та, что стояла в верхнем правом углу экрана, неизменная уже одиннадцать лет: 4 271.

Четыре тысячи двести семьдесят один источник сигналов, зафиксированных в радиусе пятисот световых лет от Солнца. Несомненно искусственных. Несомненно разумных. Ни один не отвечает.

Надир допил остывший кофе – синтетический, марсианский, с привкусом металла, к которому он так и не привык за пятнадцать лет – и закрыл отчёт. За окном кабинета купол «Надежда» просыпался: по коридорам текли сотрудники утренней смены, гудели лифты, мигали индикаторы на панелях контроля атмосферы. Обычное утро. Обычный день. Четыре тысячи двести семьдесят одна молчащая цивилизация, и люди всё равно идут на работу, пьют кофе, обсуждают вчерашний матч или новую серию какого-то сериала.

Он не осуждал их. Он завидовал.

Терминал мигнул напоминанием: «Совещание координационного совета. 09:00. Конференц-зал А».

Надир посмотрел на часы. 08:47. Тринадцать минут, чтобы спуститься на восемь этажей. Пешком – двенадцать минут в его темпе. Он встал, привычно проигнорировал панель вызова лифта и толкнул дверь на лестницу.

Восемь этажей вниз. Сто шестьдесят ступеней. Он считал их каждый раз – не потому что боялся сбиться, а потому что счёт успокаивал. Создавал иллюзию контроля. Одна, две, три. Поворот. Четыре, пять, шесть. Ещё поворот. На площадке шестого этажа он столкнулся с Чжан Вэем – тот поднимался навстречу, погружённый в планшет, и едва не врезался в Надира.

– Прошу прощения. – Чжан Вэй поднял глаза, моргнул. – А, это вы. Доброе утро.

– Доброе. Совещание через...

– Одиннадцать минут, я знаю. Я опоздаю.

– Вы всегда опаздываете.

Чжан Вэй кивнул, принимая это как констатацию факта, а не упрёк.

– Я нашёл кое-что в уравнениях. – Он потёр переносицу под очками – архаичный аксессуар, который он носил из принципа, хотя коррекция зрения давно стала рутинной процедурой. – Не уверен, что это важно. Но если я прав... – Он замолчал, подбирая слова.

– Если вы правы?

– Если я прав, то кривая резонанса не экспоненциальная. Она... – Пауза. – Сигмоидная.

С плато.

Надир остановился на ступеньке, повернулся к физику.

– Плато?

– Теоретически. Между девятью и десятью процентами должна быть зона стабилизации. Кратковременная. Может быть, несколько секунд. Но она есть.

– Вы хотите сказать, что коллапс можно остановить?

Чжан Вэй покачал головой.

– Я хочу сказать, что между «почти» и «уже» есть окно. Маленькое. Но оно есть. – Он снова уткнулся в планшет. – Мне нужно проверить на исторических данных. КХ-7... там должны быть микроструктуры в последних кадрах. Если я прав.

Он продолжил подниматься, не прощаясь. Надир смотрел ему вслед ещё несколько секунд, потом возобновил спуск.

Окно. Между «почти» и «уже».

Он не знал, что делать с этой информацией. Как не знал, что делать с большинством информации, которую генерировал проект «Эхо». Данные накапливались, гипотезы множились, но понимание – настоящее понимание того, с чем они столкнулись – оставалось таким же недостижимым, как и одиннадцать лет назад.

Конференц-зал А располагался в центральной части купола, на минус втором уровне – там, где стены были толще и защита от радиации надёжнее. Официально это объяснялось требованиями безопасности. Неофициально – все знали, что подземные уровни лучше приспособлены для секретности. Меньше окон. Меньше возможностей для утечек.

После того, что сделал Маркус Вессон, параноя стала официальной политикой.

Надир вошёл в зал за две минуты до начала. Большинство мест уже было занято – двадцать три человека, представлявших различные подразделения проекта и связанные структуры. Он узнал лица, но не все имена: текучка кадров в последний год ускорила. Люди не выдерживали. Уходили. Или их уводили – после психологических срывов, которые становились всё более частыми.

Его место было во главе стола – не потому что он этого хотел, а потому что кто-то должен был сидеть там, а он был директором. Назначение, которое он принял три года назад, после смерти предшественника. Сердечный приступ, официально. Неофициально – все знали, что Григорий Волков не справился с грузом знания. Семьдесят два года, сорок из которых – в поиске внеземного разума. Всю жизнь мечтал о контакте. Получил – и умер через восемь месяцев.

Надир сел. Экран на стене показывал повестку дня: двенадцать пунктов, от бюджетных согласований до отчётов о техническом состоянии оборудования. Рутинка. Бюрократия. Механизм, который продолжал вращаться, несмотря ни на что.

– Доброе утро, – сказал он, и голоса в зале стихли. – Начнём с первого пункта.

Следующие два часа слились в поток цифр, графиков и споров о распределении ресурсов. Надир слушал, кивал в нужных местах, задавал вопросы, которые от него ожидали. Часть его сознания – та, что отвечала за социальное функционирование – работала на автопилоте, обрабатывая информацию и генерируя адекватные реакции. Другая часть – большая, если честно – была где-то далеко. В голографической сфере, где звезда КХ-7 снова и снова умирала за семь секунд.

«Плато», – думал он. – «Окно между "почти" и "уже"».

Если Чжан Вэй прав – что это меняет? Можно ли использовать эти несколько секунд? Для чего? Чтобы остановить процесс? Или хотя бы... что? Попрощаться?

– ...директор Хассан?

Он моргнул, возвращаясь в реальность. Женщина напротив – Ингрид Ларссон, глава отдела внешних коммуникаций – смотрела на него с плохо скрытым раздражением.

– Простите, я отвлёкся. Повторите вопрос.

– Я спрашивала о вашей позиции по запросу Совета ООН. Они хотят полный отчёт о прогрессе в расшифровке архивных сигналов. К пятнице.

Надир потёр переносицу. Запрос Совета. Политики хотели знать, что делается с их деньгами. Логично. Бесплезно, но логично.

– Подготовьте стандартный отчёт. Прогресс в обработке данных, статистика по аномалиям, обновлённые модели фильтрации. Без спекуляций, без интерпретаций.

– Они просили интерпретации.

– Значит, им придётся подождать. – Он выдержал её взгляд. – Мы не можем интерпретировать то, чего не понимаем. А мы не понимаем. Это и будет наш ответ.

Ларссон хотела возразить – он видел это по поджатым губам – но сдержалась. Кивнула. Сделала пометку в планшете.

Совещание продолжалось ещё сорок минут. Когда оно наконец закончилось, Надир почувствовал усталость, непропорциональную затраченным усилиям. Как будто просто сидеть в одной комнате с людьми, поддерживать разговор, принимать решения – всё это требовало ресурсов, которых у него становилось всё меньше.

Он вышел из зала последним, пропуская остальных вперёд. В коридоре его перехватила Кармен Охеда – оператор ночной смены, та самая, чей отчёт он видел прошлой ночью.

– Директор Хассан, можно вас на минуту?

Она выглядела плохо. Тёмные круги под глазами, бледная кожа, дрожащие руки. Надир знал эти симптомы – видел их у других, видел в зеркале. Но у Кармен они были острее, свежее. Что-то случилось недавно.

– Конечно. – Он указал на пустой кабинет слева. – Здесь нормально?

Они вошли. Кармен закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, словно боялась, что кто-то ворвётся.

– Я видела, что вы открывали мой отчёт. Ночью. – Она говорила быстро, глотая окончания слов. – Тот, с красным флажком. Про КХ-7.

– Да. Я собирался обсудить его с командой после совещания.

– Не надо.

Надир поднял бровь.

– Не надо?

Кармен сглотнула. Её руки сжались в кулаки, разжались, снова сжались.

– Я... я не уверена, что это реальная аномалия. Может быть, я ошиблась. Артефакт обработки. Или... – Она замолчала.

– Или?

– Или мне просто показалось.

Надир смотрел на неё, ожидая продолжения. Кармен была хорошим оператором – одним из лучших. За четыре года работы она ни разу не присылала ложных сигналов, не поддавалась парейдолии, не видела паттерны там, где их не было. Если она отмечала что-то красным флажком – значит, что-то было.

– Кармен, – сказал он мягко, – что произошло?

Она отвела глаза. Молчала долго – может, секунд тридцать. Для разговора – вечность.

– Сны, – сказала наконец. – После работы с архивом КХ-7. Плохие сны.

– Какие именно?

– Я не... – Она потёрла виски. – Не могу описать. Не кошмары в обычном смысле. Просто... ощущение. Как будто что-то смотрит. Изнутри. Из-за данных.

Надир почувствовал, как что-то холодное шевельнулось в груди. Не страх – скорее узнавание. Он сам чувствовал нечто похожее, когда смотрел реконструкцию гибели КХ-7. Ощущение, что данные – не просто данные. Что за цифрами и графиками есть кто-то. Или что-то.

– Когда это началось?

– Три недели назад. Когда я начала работать с архивными записями. Теми, что до коллапса. – Она подняла глаза, и в них была паника – едва сдерживаемая, готовая прорваться. – Я думала, это стресс. Недосып. Но вчера... вчера я нашла тот фрагмент. И когда слушала его...

– Вы слушали сигнал напрямую?

– Через конвертер. Как обычно. И мне стало... – Она поискала слово. – Плохо. Физически плохо. Тошнота, головокружение, как будто... как будто пол уходит из-под ног. И потом, когда я закрыла файл, это прошло. Сразу. Как выключатель.

Надир молчал, обрабатывая услышанное. Психосоматическая реакция? Возможно. Стресс мог вызывать и не такое. Но «как выключатель» – это не похоже на стресс. Стресс не отключается мгновенно.

– Вы обращались к врачу?

Кармен покачала головой.

– Что я скажу? Что мне плохо от радиосигналов? Меня отстранят. Или отправят на психиатрическую экспертизу. – Она криво усмехнулась. – Может, и правильно отправят.

– Не правильно. – Надир сделал паузу, подбирая слова. – Кармен, я должен спросить: вы уверены, что аномалия реальна? Не в смысле «не показалось» – в смысле объективных данных. Спектрограммы, временные метки, всё остальное.

– Я проверяла четыре раза. Данные чистые. Это не артефакт. – Она помедлила. – Именно поэтому я испугалась. Если бы это был глюк системы – было бы легче. А так... так это *настоящее*. И от настоящего мне стало плохо. Что это значит?

Надир не знал, что это значит. Но он знал, что должен узнать.

– Я посмотрю ваш отчёт сам. Детально. – Он дотронулся до её плеча – короткое прикосновение, почти формальное, но Кармен вздрогнула, как от удара. – И я не буду передавать этот разговор дальше. Пока. Но если симптомы повторятся – обратитесь к врачу. Договорились?

Она кивнула. Не выглядела убеждённой, но хотя бы успокоилась.

– Спасибо.

Она вышла, оставив Надира одного в пустом кабинете. Он стоял неподвижно, глядя на закрытую дверь, и думал о том, что она сказала. «Что-то смотрит. Изнутри. Из-за данных».

Антропоморфизация. Проекция человеческих качеств на неживые объекты. Стандартная когнитивная ошибка. Мозг эволюционировал в среде, где умение распознавать намерения было вопросом выживания, и теперь он видит намерения везде – даже там, где их нет.

Но что, если есть?

Надир тряхнул головой, отгоняя мысль. Не сейчас. Сначала – данные. Потом – интерпретации.

Он вернулся в свой кабинет, поднявшись по восьми этажам пешком (сто шестьдесят ступеней вверх – тяжелее, чем вниз), и сел за терминал. Отчёт Кармен всё ещё ждал – красная точка мигала, как тревожный маячок.

Он открыл файл.

Первые двадцать минут ушли на проверку метаданных. Всё соответствовало протоколу: временные метки синхронизированы, калибровка датчиков в норме, алгоритмы фильтрации – стандартные версии без модификаций. Данные были чистыми. Кармен не ошиблась.

Источник сигнала: система КХ-7, расстояние 411 световых лет. Дата регистрации: 14 июля 2133 года. Четырнадцать лет назад – за три года до коллапса.

Надир помнил ту дату. Не по какой-то особой причине – просто потому, что он помнил все даты, связанные с проектом «Эхо». Профессиональная деформация. В июле 2133-го он ещё работал на Земле, в головном офисе в Женеве. Ещё не был директором. Ещё верил, что контакт – если он случится – будет похож на что-то из старых научно-фантастических фильмов: торжественный момент, первые слова, начало новой эры.

Он был идиотом.

Сигнал из КХ-7 в 2133 году был помечен как «фоновый шум с нерегулярной модуляцией». Никто не обратил на него внимания. Тысячи подобных сигналов проходили через фильтры каждый день – большинство оказывались естественными феноменами: магнетарами, квазарами, межзвёздной средой. Этот тоже списали.

Но Кармен нашла структуру.

Надир вызвал спектрограмму и увеличил тот участок, который она отметила. Там, среди хаотического шума, прослеживался паттерн. Не идеальный – смазанный, как будто источник был нестабилен или сигнал проходил через помехи. Но достаточно чёткий, чтобы увидеть: это не случайность.

Он наложил стандартную сетку анализа. Система начала обрабатывать данные, выделяя повторяющиеся элементы. Через минуту на экране появился результат.

Надир смотрел на него и не верил своим глазам.

Повторяемость: 94,7%.

Модуляция: гармоническая, с шагом 1,618 (золотое сечение с погрешностью 0,03%).

Структура: фрактальная, самоподобная на трёх уровнях вложенности.

Это был не шум. Это была *речь*. Или её аналог – организованная информация, упакованная в радиосигнал по принципам, которые человеческая наука понимала, но никогда не использовала.

Золотое сечение. Универсальная константа, встречающаяся в природе от спиралей галактик до раковин моллюсков. Если ты хочешь сказать «я разумен» – это неплохой способ.

Но КХ-7 молчала двести лет до этого момента. И потом – замолчала навсегда. Три года активности, потом – коллапс. Что произошло? Почему они начали говорить? С кем пытались связаться?

«Не с нами», – подумал Надир. Человечество зафиксировало этот сигнал, но не распознало. Пройшло мимо. Если КХ-7 обращалась к землянам – они не услышали.

Но что, если не к землянам?

Он открыл базу данных проекта «Эхо» – полную версию, с доступом директора. 4 271 источник. Для каждого – история наблюдений: когда обнаружен, как менялась активность, когда замолчал.

Надир запустил поиск: источники, активные в июле 2133 года.

Результат: 4 268.

Три молчали. КХ-7 – среди них. Точнее – КХ-7 *только что перестала* молчать. Начала вещать.

Он переформулировал запрос: источники, чья активность изменилась в период с июня по август 2133 года.

Результат: 14.

Четырнадцать цивилизаций, чьё поведение изменилось примерно в одно время. Статистически незначимо? Или...

Надир почувствовал, как пульс ускоряется. Адреналин – химическая реакция на потенциальное открытие. Он знал этот механизм, изучал его, и всё равно не мог контролировать. Руки двигались быстрее мысли, вызывая данные, строя корреляции, накладывая временные ряды друг на друга.

Через полчаса у него была картина.

Между июнем и августом 2133 года четырнадцать источников изменили характер активности. Семь – начали вещать после долгого молчания. Пять – замолчали после периода активности. Два – изменили параметры сигнала: частоту, модуляцию, структуру.

КХ-7 была в первой группе – тех, кто «проснулся».

Но самое интересное было в хронологии. Когда Надир выстроил события по временной шкале, учитывая расстояния между источниками и скорость распространения радиоволн...

Он откинулся в кресле, глядя на результат.

Волна. Это выглядело как волна, расходящаяся от одной точки. Источник – где-то в секторе LM, примерно в шестистах световых годах от Земли. Сигнал шёл оттуда, достигая одной цивилизации за другой. И каждая реагировала – по-своему, но реагировала.

КХ-7 получила этот сигнал – судя по расчётам – примерно за двести лет до того, как начала вещать. Двести лет молчания. А потом – ответ. Или реакция. Или...

Надир не знал, как это назвать. Но он знал, что это меняет всё.

Четыре тысячи двести семьдесят одна цивилизация – не случайная выборка одиночек, разбросанных по галактике. Это сеть. Связанная, взаимодействующая, реагирующая на общие стимулы. Сеть, о которой человечество не подозревало, потому что временные масштабы были слишком велики для человеческого восприятия.

Двести лет от получения сигнала до ответа. Для цивилизации – мгновение. Для человека – несколько поколений.

Он снова посмотрел на результаты. Источник волны – сектор LM. Он вызвал данные по этому сектору.

LM-3. Звезда класса K4, оранжевый карлик. Расстояние: 587 световых лет. Зарегистрирована в 2089 году. Активность: высокая до 2135 года, затем – молчание.

Молчание уже двенадцать тысяч лет, если учесть световую задержку.

Надир моргнул. Перечитал. Двенадцать тысяч лет?

Он открыл подробную запись. LM-3 была одним из первых источников, обнаруженных проектом «Эхо». Мощный сигнал, сложная структура, несомненно искусственного происхождения. Его изучали десятилетиями – и пришли к выводу, что это «эхо» древней цивилизации. Сигналы, отправленные тысячи лет назад, всё ещё достигают Земли. Но источник давно мёртв.

Или они так думали.

Потому что в 2089 году – когда «Эхо» впервые зафиксировал LM-3 – сигнал изменился. Не прекратился – изменился. Новая модуляция. Новая структура. Как будто кто-то проснулся.

И в 2133 году – за три года до гибели КХ-7 – от LM-3 пошла волна. Волна, которая достигла четырнадцати цивилизаций. И изменила их.

Надир смотрел на экран и чувствовал, как разум пытается охватить масштаб происходящего. Двенадцать тысяч лет молчания. Потом – пробуждение. Потом – волна. И КХ-7 – одна из тех, кто откликнулся.

И погиб.

Что LM-3 сказала им? Что они услышали? И почему ответили *так* – хаотичным, истерическим вещанием, которое закончилось коллапсом?

Он должен был рассказать об этом. Команде, Совету, всем. Это было слишком важно для одного человека. Но что-то удерживало его – то же ощущение, о котором говорила Кармен. Ощущение, что за данными есть кто-то. Что информация – не нейтральна. Что знание может быть... опасным.

«Бред», – сказал он себе. – «Ты устал. Три дня без сна. Паранойя – нормальная реакция».

Но рука замерла над кнопкой вызова. Он не нажал.

Вместо этого он открыл спектрограмму сигнала КХ-7 – того, что Кармен нашла. Три года вещания. Четырнадцать лет в архивах. Никто не слушал.

Теперь он будет слушать.

Конвертер преобразовывал радиочастоты в звуковой диапазон – стандартная процедура для операторов «Эхо». Не потому что звук информативнее графиков – просто человеческое ухо лучше улавливает паттерны в потоке данных. Эволюционное наследие: предки выживали, потому что слышали хищника раньше, чем видели.

Надир надел наушники. Включил воспроизведение.

Первые секунды – белый шум. Шипение межзвёздной среды, наложение фоновых излучений, щелчки статики. Обычный звук космоса, к которому привыкаешь за годы работы.

Потом – изменение. Шум не прекратился, но в нём появилась структура. Ритм. Не музыкальный – другой. Как сердцебиение, только неравномерное. Длинный удар, короткий, два длинных, пауза. Снова. И снова. И...

Надир почувствовал это раньше, чем осознал.

Давление. Как будто что-то давило на виски изнутри. Не боль – ощущение присутствия. Чужое, холодное, *смотрящее*. Он вспомнил слова Кармен: «Как будто что-то смотрит. Изнутри».

Он сорвал наушники.

Ощущение исчезло. Не постепенно – мгновенно. Как выключатель.

Надир сидел неподвижно, глядя на экран, где продолжала бежать спектрограмма. Сердце колотилось. Руки дрожали. Пот выступил на лбу – физиологическая реакция на угрозу, которой не было.

Или была?

Он посмотрел на индикатор в углу экрана. Тот самый, который добавил после третьего просмотра реконструкции КХ-7. Резонансный мониторинг.

0,0%.

Ничего. Никакого резонанса. Просто сигнал. Просто данные.

Но ему стало плохо. Так же, как Кармен. От *слушания*.

«Психосоматика», – сказал он себе. – «Самовнушение. Ты знал, что она почувствовала, и подсознательно воспроизвёл».

Возможно. Вероятно даже. Мозг – мастер создавать фантомы из ожиданий. Если ты ждёшь боли – почувствуешь боль. Если ждёшь присутствия – почувствуешь присутствие.

Но был и другой вариант.

Надир снова посмотрел на спектрограмму. Структура сигнала – фрактальная, самоподобная. Золотое сечение. Организованная информация.

Что, если информация может воздействовать напрямую? Не через понимание – глубже. На уровне нейрофизиологии. На уровне, который не требует расшифровки.

Импринт, подумал он. Слово всплыло из какой-то статьи – давно прочитанной, почти забытой. Импринт: запечатление информации, минуя сознательную обработку. Так птенцы узнают мать. Так травма въедается в психику.

Так, может быть, *страх* передаётся между видами?

Он не стал надевать наушники снова. Вместо этого – увеличил спектрограмму, изучая структуру визуально. Фрактальные паттерны, вложенные друг в друга. Три уровня – Кармен нашла три, но может быть, их больше? Может быть, тот уровень, который вызывает... реакцию... находится глубже?

Анализ займёт время. Дни. Недели. Но это можно сделать. Это *нужно* сделать.

Надир сохранил файл, закрыл спектрограмму и откинулся в кресле. За окном марсианское небо потемнело – день клонился к вечеру. Он пропустил обед. Не заметил.

Терминал мигнул новым сообщением. Он посмотрел на отправителя и почувствовал укол... чего? Вины? Раздражения? И того и другого.

Майя.

«Ты обещал вернуться утром. Сейчас вечер. Амир спрашивал о тебе».

Амир. Его сын. Шестнадцать лет, подросток, с которым Надир не разговаривал по-настоящему уже... он не мог вспомнить, когда. Месяц? Два? Время текло мимо, заполненное данными и совещаниями, и семья оставалась где-то на периферии – важная, но не срочная. Всегда можно поговорить потом. Потом, когда будет время. Потом, когда закончится этот кризис. Потом.

Потом не наступало никогда.

Он написал ответ: «Задержался на работе. Буду поздно. Не жди».

Отправил. Почувствовал, как что-то сжалось в груди – не сердце, что-то другое. Что-то, связанное с тридцатью годами брака и расстоянием, которое росло с каждым «буду поздно».

Но сейчас он не мог думать об этом. Не мог позволить себе. Там, в архивах, лежали три года сигналов от цивилизации, которая знала, что умирает. И они что-то сказали – перед тем, как замолчать навсегда.

Надир должен был узнать – что.

Он снова открыл файл. На этот раз – без звука. Только визуальный анализ. Безопаснее. Наверное.

Следующие несколько часов он провёл за разбором структуры сигнала. Три уровня вложенности оказались верхушкой – под ними были ещё четыре, всё более тонкие, всё более... странные. Нечеловеческие. Не потому что непонятные – понимание как раз приходило, медленно, по частям. Нечеловеческие потому, что их создал разум, эволюционировавший в других условиях. Думавший иначе. Видевший мир по-другому.

И всё же – разум. Способный к коммуникации. Желавший коммуникации. Три года криков в пустоту, всё более хаотичных, всё более отчаянных. Как будто они знали, что времени мало. Как будто пытались успеть...

Успеть что?

Надир остановился на седьмом уровне вложенности. Там структура менялась. Фракталы уступали место чему-то другому – не хаосу, но и не порядку в привычном смысле. Промежуточное состояние. Граница.

Он увеличил фрагмент. Система выделила паттерн – и выдала результат, от которого у Надира перехватило дыхание.

Совпадение: 67,3%.

Совпадение с чем? Он посмотрел на референс.

Сигнал LM-3. Тот самый, что запустил волну.

KX-7 не просто откликнулась. Она *повторяла*. Передавала дальше. Ретранслировала сообщение от LM-3 – с искажениями, с добавлениями, но узнаваемое.

Цепочка, понял Надир. Эстафета. LM-3 передала что-то. KX-7 приняла и передала дальше. Кому? И что было в оригинале – то, что стоило повторять ценой собственной жизни?

Потому что KX-7 погибла. После трёх лет ретрансляции – коллапс. Совпадение? Или...

Или передача *убила* их?

Он снова посмотрел на индикатор резонанса. Всё ещё ноль. Но Чжан Вэй говорил о плато – об окне между «почти» и «уже». Что, если процесс ретрансляции накапливал... что-то? Что-то, что не фиксировалось датчиками, но росло, приближалось к порогу?

Три года. Тысяча дней. Миллионы секунд передачи. И на миллион первой – 9,8%.

Надир закрыл файл. Закрыл глаза. Голова раскалывалась – то ли от усталости, то ли от попыток вместить невместимое.

За окном была ночь. Снова ночь. Он провёл за терминалом весь день, не заметив. Марсианские сутки – двадцать четыре часа тридцать девять минут – почти земные, но этот «почти» накапливался, сбивая ритм. Через месяц день и ночь менялись местами. Через год – возвращались. Циклы внутри циклов. Время, которое не подчиняется человеческим меркам.

Как время цивилизаций. Двести лет от получения сигнала до ответа. Двенадцать тысяч лет молчания LM-3. Сорок тысяч лет – возраст самых старых «пустот», которые удалось датировать.

Сорок тысяч лет. Кто-то – или что-то – убивает цивилизации уже сорок тысячелетий. И никто не заметил.

Или заметили – те, кто молчит?

Надир открыл глаза. Посмотрел на экран, где 4 271 превратилось в 4 270 – система обновила статус KX-7, перенесла из «молчащих» в «погибшие».

4 270 молчащих. 848 погибших. Одна – кричащая.

Человечество.

Восемьдесят лет криков в космос. Радио, телевидение, интернет, направленные послания. «Мы здесь! Мы разумны! Ответьте!»

И никто не отвечает.

Теперь он понимал – почему.

Они слышат. Все 4 270. Слышат и молчат. Намеренно. Потому что знают то, чего не знали люди.

Ответ – смерть.

Надир встал. Ноги затекли от долгого сидения, пришлось держаться за край стола. Он подошёл к окну, прижался лбом к стеклу – холодному, как всегда.

За стеклом – купол «Надежда». Два миллиона человек. Марсианская колония, гордость человечества. Расселение по Солнечной системе, страховка от вымирания.

Бесполезная страховка, если коллапс может достать где угодно.

Он думал о Майе. О её сообщении, на которое он не ответил. О тридцати годах вместе – и пропасти между ними, которая росла с каждым днём. Думал об Амуре – сыне, которого почти не знал. Шестнадцать лет. В этом возрасте Надир мечтал о звёздах, не подозревая, что звёзды могут мечтать в ответ.

И что их мечты – кошмары.

Он должен был рассказать. Команде, Совету, Майе. Всем. Это было слишком важно для одного человека, слишком тяжело.

Но что именно рассказать? Что цивилизация КХ-7 погибла, потому что попыталась передать чужое сообщение? Что 4 270 разумных видов молчат, потому что знают цену ответа? Что человечество восемьдесят лет само себе подписывало смертный приговор – и не осталось времени его отменить?

Он не знал, как сказать это. Не знал, можно ли это вообще сказать – так, чтобы услышали.

Терминал мигнул. Ещё одно сообщение – от Кармен.

«Я не могу уснуть. Каждый раз, когда закрываю глаза – вижу их. Не знаю, кого "их". Просто – вижу. Директор Хассан, что со мной происходит?»

Надир смотрел на текст и думал о том, что ответить. Правду? Что сигнал воздействует на сознание напрямую, минуя рациональные барьеры? Что то, что она чувствует – не болезнь, а *контакт*? Первый настоящий контакт человечества с внеземным разумом – и он выглядит как кошмар?

Он написал: «Приходите завтра утром. В мой кабинет. Мы поговорим».

Отправил. Не знал, что скажет завтра. Не знал, что можно сказать.

За окном мигали огни купола – жёлтые, белые, редкие красные аварийные. Два миллиона человек продолжали жить: работали, спали, любили, ссорились, мечтали о будущем. Не знали, что будущее уже определено – там, в архивах, в сигнале, который никто не слушал четырнадцать лет.

Надир отвернулся от окна. Сел обратно за терминал. Открыл файл.

Если КХ-7 что-то сказала перед смертью – он должен был это услышать. Даже если слушание убивает. Даже если понимание – конец.

Потому что не понимать было ещё страшнее.

Он работал до рассвета.

К шести утра – глаза слезились от усталости, пальцы дрожали на сенсорной панели – у него была карта. Не полная, не точная, но достаточная.

Сигнал КХ-7 состоял из трёх компонентов.

Первый – ретрансляция. Сообщение от LM-3, переданное с искажениями, но узнаваемое. Это занимало примерно 60% всего объёма данных.

Второй – добавления. Собственные вставки КХ-7: координаты их системы, базовая математика, химические формулы. Стандартный набор для первого контакта – то, что земные учёные тоже включили бы в послание незнакомой цивилизации. «Вот кто мы. Вот где мы. Вот как мы думаем».

Третий – финал. Последние три месяца передачи, когда структура начала распадаться. Повторы, петли, хаотические вставки. Как будто отправитель терял контроль. Или терял рассудок. Или...

Надир увеличил фрагмент из этого периода. Там, среди хаоса, была одна последовательность – повторявшаяся снова и снова, сотни раз, как заевшая пластинка.

Он выделил её, запустил анализ.

Результат пришёл через минуту.

Совпадение со структурой импринта: 89,2%.

Надир смотрел на цифру и чувствовал, как что-то холодное сжимается внутри. Импринт. Прямое воздействие на сознание, минуящее рациональную обработку. КХ-7 не просто передавала информацию – в последние месяцы они *вбивали* её в сигнал. Как можно глубже. Как можно сильнее.

Чтобы те, кто услышит – почувствовали.

Что они хотели передать? Страх – очевидно. Кармен чувствовала страх. Сам Надир чувствовал давление, присутствие, угрозу. Но страх – это эмоция, не информация. Чтобы предупредить о конкретной опасности, нужны слова. Или их аналог.

Он снова посмотрел на структуру последней последовательности. Под импринтом – под слоем эмоционального воздействия – должно было быть что-то ещё. Смысл. Сообщение.

Он не мог прочитать его сам. Для этого нужны лингвисты, криптографы, специалисты по ксенокоммуникации. Нужна команда. Нужно время.

Но одно он мог сделать прямо сейчас.

Надир вызвал список контактов. Нашёл нужный.

Майя Торрес-Хассан. Лингвист. Специалист по ксенокоммуникации. Профессор Европейского института контакта.

Его жена.

Он смотрел на её имя и думал о том, как странно устроена жизнь. Тридцать лет назад они встретились на конференции – он говорил о радиотелескопах, она – о теоретических основах межвидовой коммуникации. Он не понимал половины того, что она говорила. Она смеялась над его попытками объяснить сложные вещи простыми словами. Они спорили, потом ужинали, потом – не спали всю ночь, обсуждая парадокс Ферми и теорему Байеса.

Где-то между формулами и гипотезами они влюбились. Или им так казалось.

Теперь – тридцать лет спустя – он не мог вспомнить, когда они разговаривали последний раз. По-настоящему разговаривали, а не обменивались бытовыми репликами. «Буду поздно». «Не жди». «Нам нужно поговорить». Слова, которые ничего не значили.

Но сейчас он *должен* был с ней поговорить. Не о них. О КХ-7. О сигнале. О том, что цивилизация пыталась сказать перед смертью.

Потому что если кто-то мог это расшифровать – это была Майя.

Надир нажал «вызов».

Гудки. Один, два, три. Потом – её голос, сонный и раздражённый:

– Надир? Ты знаешь, который час?

– Шесть утра. Прости, что разбудил.

– Ты вообще ложился?

– Нет. – Он помедлил. – Майя, мне нужна твоя помощь.

Пауза. Он слышал, как она садится в кровати, как шуршит одеяло.

– Что случилось?

– Я нашёл кое-что в архивах. Сигнал КХ-7. Тот, что перед коллапсом. Там есть... – Он искал слова. – Там есть сообщение. Не просто данные – сообщение. И часть его... воздействует напрямую. На сознание. Кармен Охеда, оператор – она слушала и...

– Подожди. – Голос Майи изменился, стал острее, внимательнее. – Что значит «воздействует напрямую»?

– Импринт. По крайней мере, так это выглядит. Эмоциональная модуляция, минующая когнитивную обработку. Но под ней – структура. Смысловая. Я не могу её прочитать.

Молчание. Долгое, тягучее.

– Ты хочешь, чтобы я посмотрела?

– Да.

– Надир... – Она вздохнула. – Ты понимаешь, что говоришь? Если это импринт – слушать его опасно.

– Я знаю. Но...

– Но ты всё равно хочешь, чтобы я попробовала.

Он закрыл глаза. Она была права. Он просил её рискнуть – ради чего? Ради информации? Ради понимания? Ради того, чтобы узнать, что сказала умирающая цивилизация?

– Они пытались нас предупредить, – сказал он тихо. – Три года криков в пустоту. Они знали, что умирают, и всё равно кричали. Мы должны услышать.

Снова молчание. Потом:

– Приезжай домой. С данными. Мы посмотрим вместе.

Надир открыл глаза. Посмотрел на экран, где мигала красная точка – метка Кармен, которую он так и не убрал.

– Спасибо, – сказал он.

– Не благодари. – Её голос смягчился. – Просто... приезжай.

Связь оборвалась. Надир сидел неподвижно, глядя на пустой экран.

Домой. К Майе. К разговору, которого они избегали тридцать лет.

И к сигналу, который мог всё изменить.

Или убить.

Или и то и другое.

Он встал, собрал данные на портативный носитель, накинул куртку. За окном марсианский рассвет окрасил небо в бледно-розовые тона – пыль в атмосфере рассеивала свет, создавая эффект, невозможный на Земле.

Четыре тысячи двести семьдесят молчащих цивилизаций. Одна – кричащая. И одна – которая что-то знала.

Надир вышел из кабинета, закрыл дверь и направился к выходу.

Впервые за годы он не стал считать ступени.

Глава 2: Импринт

Кармен Охеда ненавидела ночные смены.

Не за темноту – в куполе «Надежда» освещение регулировалось автоматически, и разницы между днём и ночью внутри почти не чувствовалось. Не за одиночество – на смене всегда дежурило минимум пятеро операторов, плюс техники, плюс охрана. И даже не за нарушение биоритмов – за четыре года она научилась спать урывками, приспособилась к графику, который разрушал здоровье большинства её коллег.

Она ненавидела ночные смены за тишину.

Днём центр обработки данных гудел голосами: обсуждения, споры, смех в перерывах, звонки родным на Землю. Шум человеческой жизни, напоминавший, что ты – часть чего-то большего. Ночью всё это исчезало. Оставались только гудение серверов, шелест вентиляции да редкие щелчки клавиатур. И сигналы. Тысячи сигналов из космоса, которые текли через её станцию непрерывным потоком.

В три часа ночи по местному времени, когда бо́льшая часть купола спала, эти сигналы казались особенно... громкими. Не в физическом смысле – громкость оставалась той же. Но внимание, лишённое дневных отвлечений, фокусировалось на них острее. Каждый паттерн, каждая аномалия становились выпуклыми, значимыми.

Кармен знала, что это иллюзия. Профессиональная деформация. Четыре года работы с данными, которые никуда не вели, – и мозг начинал придумывать смыслы там, где их не было. Парейдолия. Нормальная реакция разума, не предназначенного для работы с бесконечностью.

Она повторяла это себе каждую ночь. Как мантру. Как щит.

В последние три недели щит не работал.

Сейчас она сидела за терминалом, глядя на спектрограмму сектора 7-Каппа, и чувствовала, как что-то холодное шевелится в животе. Не страх – скорее предчувствие страха. Тень, которая падает раньше, чем появляется то, что её отбрасывает.

Сектор 7-Каппа. Система КХ-7. Архивные записи четырнадцатилетней давности.

Она не должна была их открывать.

Официально архивы КХ-7 были доступны любому оператору с базовым допуском. Неофициально – все знали, что там нечего искать. Сигналы до коллапса были каталогизированы, проанализированы, признаны нерасшифровываемыми и отправлены в долгосрочное хранилище. Ещё один мёртвый мир в коллекции проекта «Эхо». Ещё одна папка, которую никто не откроет.

Три недели назад Кармен открыла её случайно.

Ошибка в поисковом запросе – она искала данные по КХ-9, свежий сектор с потенциально интересной активностью. Опечатка. Цифра сместилась. И вместо ожидаемых графиков на экране появились записи погибшей цивилизации.

Она должна была закрыть файл. Исправить запрос. Вернуться к работе.

Вместо этого – открыла первую запись.

И почувствовала.

Это было как... Кармен не могла подобрать слова. Как войти в комнату, где только что кто-то был. Как услышать своё имя в толпе, обернуться и никого не увидеть. Присутствие. Не враждебное, не дружелюбное – просто присутствие. Что-то смотрело на неё из-за данных.

Она закрыла файл через три секунды. Руки тряслись. Сердце колотилось так, что она слышала пульс в ушах.

Паническая атака, решила она тогда. Стресс накопился. Нужно взять выходной, выспаться, может – сходить к психологу.

Она не взяла выходной. Не выспалась. Не сходила к психологу.

Вместо этого – следующей ночью открыла файл снова.

И снова.

И снова.

Сейчас – три недели спустя – она сидела перед терминалом, чувствуя, как холодная тень в животе ворочается, разрастается, тянет щупальца к горлу и к вискам. Спектрограмма КХ-7 светилась на экране, и Кармен знала, что должна закрыть её. Знала, что каждый раз становится хуже. Знала, что это разрушает её – сон, аппетит, способность думать о чём-то другом.

Она не закрыла.

Зависимость, подумала она с горькой ясностью. Вот как это называется. Зависимость от страха. Звучит как название дешёвого триллера, но это именно то, что происходит. Что-то в этих данных цепляет мозг, как наркотик. Хочется ещё. Хочется глубже. Хочется понять – что именно смотрит оттуда, из-за цифр и графиков.

Хочется, чтобы оно увидело тебя в ответ.

Кармен потёрла глаза. Они слезились от усталости – она не спала нормально уже несколько дней. Урывками по два-три часа, и даже эти часы были заполнены снами. Не кошмарами в привычном смысле. Просто образы, которые не складывались в сюжет: бесконечные коридоры, двери без ручек, голоса на языке, которого она не понимала, но почти понимала, почти...

Она тряхнула головой. Сосредоточься. Ты на работе. Делай свою работу.

Терминал показывал список аномалий за последние восемь часов. Двадцать три сигнала прошли первичный фильтр. Её задача – просмотреть каждый, оценить вероятность искусственного происхождения, передать интересные случаи на следующий уровень анализа.

Рутинa. Та самая рутинa, которая держала её на плаву все четыре года. Понятные правила, чёткие критерии, измеримые результаты. Здесь – порядок. Здесь – контроль.

Она закрыла спектрограмму КХ-7 – на этот раз удалось – и открыла первую аномалию из списка. Сектор 12-Лямбда. Источник неизвестен. Характеристики: узкополосный сигнал на частоте 1420 МГц, длительность 7,3 секунды.

Водородная линия. Классика. Каждый студент-астрофизик знал, что 1420 МГц – это «линия воды», частота, на которой излучает межзвёздный водород. Если хочешь привлечь внимание разумной цивилизации – вещай на этой частоте. Универсальный маяк.

Кармен изучила спектрограмму. Сигнал был чистым, почти идеальным – слишком идеальным для естественного источника. Но... она увеличила временной ряд. Вот оно. Характерная модуляция, повторяющаяся с периодом 0,714 секунды. Пульсар. Обычный нейтронный пульсар, чей луч случайно попал в диапазон водородной линии.

Ложная тревога. Как девяносто девять из ста.

Она отметила сигнал как «естественный» и перешла к следующему.

Сектор 8-Дельта. Широкополосный всплеск, длительность 0,02 секунды. Космический мусор, столкнувшийся с микрометеоритом? Солнечная вспышка от далёкой звезды? Невозможно определить по одной записи.

«Недостаточно данных. Рекомендовано повторное наблюдение».

Следующий.

Сектор 3-Омега. Периодический сигнал с переменной амплитудой. Интересно. Кармен развернула анализ, запустила корреляцию с базой известных источников.

Результат: магнетар SGR 1806-20. Известный объект, каталогизированный ещё в прошлом веке.

Естественный.

Следующий.

Она работала на автопилоте – руки двигались, глаза сканировали данные, мозг классифицировал и отбрасывал. Привычная монотонность, которая раньше успокаивала. Сейчас – раздражала. Как будто она делала что-то бессмысленное, отвлекаясь от главного.

Главное ждало в архиве КХ-7.

Кармен поймала себя на том, что рука потянулась к панели навигации – к папке, которую она только что закрыла. Одёрнула себя. Нет. Не сейчас. Доделай список. Потом... потом – да. Но сначала – работа.

Одиннадцать аномалий спустя – все ложные тревоги – она позволила себе перерыв. Встала из-за терминала, прошлась по залу. Три часа сорок минут ночи. Коллеги по смене: Юрий Волков за соседней станцией, погружённый в свои графики; Маша Ковалёва у кофейного автомата, смотрящая в пустоту с выражением человека, который давно здесь работает; Лукас Берген на дальнем конце зала, что-то шепчущий в гарнитуру – личный звонок, наверное, семья на Земле.

Нормальные люди. Нормальная ночь. Никто из них не знал, что она чувствует. Никто не спрашивал, почему у неё дрожат руки и темнеют круги под глазами.

Или знали – и не хотели вмешиваться. На проекте «Эхо» каждый справлялся со своими демонами сам.

Кармен подошла к окну – огромной панели из армированного стекла, выходящей на внутренний двор купола. Там, внизу, светились огни жилых модулей. Два миллиона человек. Обычные жизни, обычные заботы. Работа, семья, развлечения, сон.

Сон.

Она не помнила, когда последний раз спала без снов. Без этих коридоров, дверей, голосов. Без ощущения, что что-то стоит за плечом и ждёт, когда она обернётся.

«Ты сходишь с ума», – сказала она себе. Не впервые. Слова стали ритуалом, как мантра «это иллюзия». Не помогало, но создавало видимость контроля.

За стеклом отражалось её лицо – бледное, осунувшееся, с провалившимися глазами. Тридцать четыре года. Она выглядела на сорок. Или на пятьдесят, в особенно плохие дни.

Четыре года на проекте «Эхо». Четыре года ожидания контакта, который не случился. И теперь – три недели чего-то, что было похоже на контакт, но неправильный. Искажённый. Как отражение в кривом зеркале.

Она вернулась к терминалу.

Оставалось двенадцать аномалий из списка. Кармен открыла следующую – и застыла.

Сектор 7-Каппа. Источник: КХ-7. Время регистрации: 2133-07-14, 03:47:22 UTC.

Система автоматически добавила архивную запись в сегодняшний список. Алгоритм обнаружил связь между текущими данными и историческими – какую именно, Кармен не понимала. Но это значило...

Это значило, что она не единственная, кто заметил аномалию в архивах КХ-7.

Она развернула запись. Та самая спектрограмма, которую она изучала три недели. Фрактальная структура. Золотое сечение в модуляции. Семь уровней вложенности – она насчитала их за бессонные ночи, слой за слоем погружаясь глубже.

Но теперь рядом была пометка, которой раньше не было.

«Приоритет: критический. Назначено: группа дешифровки. Ответственный: директор Н. Хассан».

Кармен перечитала дважды. Хассан взял это под личный контроль. Директор проекта «Эхо». Человек, который не занимался рутинной работой уже несколько лет.

Если он обратил внимание...

Она почувствовала странную смесь облегчения и страха. Облегчение – потому что это подтверждало: она не сумасшедшая. В архиве КХ-7 действительно было что-то важное. Страх

– потому что теперь это станет официальным. Команда дешифровки. Протоколы. Отчёты. Десятки людей, которые полезут в те же данные.

И почувствуют то же, что чувствовала она?

Терминал пискнул. Входящее сообщение.

«Охеда К. Явиться в лабораторию дешифровки, уровень -3. Немедленно. – Н. Хассан»

Кармен смотрела на текст и чувствовала, как холодная тень в животе превращается в ледяной ком. Он знает. Хассан знает, что она работала с этими данными. Что она пометила их красным флажком. Что она...

Что она чувствует то, чего не должна чувствовать.

Она встала. Ноги подгибались, но держали. Прошла мимо Юрия, мимо Маши, мимо Лукаса. Никто не обратил внимания. Обычное дело – операторов вызывали на консультации в любое время.

Лифт. Кармен нажала кнопку вызова и сразу пожалела. Замкнутое пространство. Металлическая коробка, падающая в бездну. Она не боялась лифтов – раньше – но сейчас мысль о том, чтобы оказаться в тесноте, вызывала почти физическую тошноту.

Двери открылись. Пустая кабина. Мягкий свет. Безопасно.

Она вошла.

Двери закрылись, и мир сжался до размеров двух квадратных метров. Кармен прижалась спиной к стене, закрыла глаза. Не думай. Не чувствуй. Тридцать секунд. Ты выдерживала и дольше.

Лифт тронулся вниз.

И тогда она услышала.

Не звук – скорее отсутствие звука. Тишина, которая была громче любого шума. Пауза между ударами сердца, растянутая в вечность.

И в этой паузе – голос.

Не слова. Не мысли. Ощущение, которое было похоже на голос, как тень похожа на предмет, её отбрасывающий. Холод. Огромность. Древность. Что-то, что существовало задолго до людей и будет существовать после.

Что-то, что смотрело.

Кармен распахнула глаза. Лифт остановился. Уровень -3. Двери открылись.

За ними стоял Надир Хассан.

Он выглядел не лучше неё – те же тени под глазами, та же бледность, та же напряжённая линия плеч. Но в его взгляде было что-то, чего она не ожидала.

Понимание.

– Вы тоже это слышите, – сказала она. Не вопрос.

Хассан кивнул.

– Идёмте. Нам нужна ваша помощь.

Лаборатория дешифровки располагалась в самом защищённом секторе купола – три уровня под землёй, стены из армированного бетона с прослойкой свинца, электромагнитное экранирование. Официально – для защиты оборудования от радиации и помех. Неофициально – все знали, что здесь работают с самыми чувствительными данными. Теми, которые не должны утечь.

После того, что сделал Маркус Вессон, паранойя стала стандартной операционной процедурой.

Кармен шла за Хассаном по узкому коридору, освещённому холодным белым светом. Стены были голыми – ни указателей, ни украшений. Только камеры на каждом повороте и сканеры допуска через каждые двадцать метров.

- Как давно вы работаете с архивом КХ-7? – спросил Хассан, не оборачиваясь.
- Три недели.
- Каждую ночь?

Она хотела соврать. Сказать, что занималась этим изредка, в свободное время. Но что-то в его голосе – усталость? сочувствие? – остановило её.

- Да. Каждую ночь.
- И каждый раз становилось хуже?
- Да.

Он остановился перед очередной дверью. Сканер мигнул зелёным, считав его сетчатку.

– Я прослушал фрагмент сигнала вчера, – сказал он, глядя на дверь. – Тот, который вы отметили. Почувствовал... то же, что описывали вы. Давление. Присутствие.

- И сорвали наушники?

Он обернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

- Откуда вы знаете?

– Потому что я делала это сто раз. – Кармен криво улыбнулась. – А потом надевала снова. Хассан смотрел на неё долго. Потом кивнул – коротко, почти незаметно.

– Тогда вы понимаете, почему я вас вызвал. Вы – единственный человек на проекте, который знает, что мы чувствуем. И единственный, кто работал с этими данными достаточно долго.

- Чтобы что?

- Чтобы помочь нам расшифровать их. До того, как они расшифруют нас.

Дверь открылась.

За ней была комната – не очень большая, метров тридцать квадратных. Центральный стол с голографическим проектором. Рабочие станции вдоль стен. И люди – семеро, не считая Хассана и Кармен.

Она узнала некоторых. Чжан Вэй, физик-теоретик, – его лекции она слушала ещё в университете. Маркос Сильва, криптограф из бразильского отделения. Елена Гроссман, специалист по информационным системам. Остальные – незнакомые лица, но судя по бейджам, тоже не рядовые сотрудники.

И ещё одна женщина – за отдельным терминалом в углу. Смуглая кожа, тёмные волосы, собранные в небрежный пучок. Она не подняла глаз, когда Кармен вошла, – слишком погружена в данные.

– Майя Торрес-Хассан, – сказал директор, перехватив её взгляд. – Моя жена. Лингвист. Специалист по ксенокоммуникации.

Жена. Кармен слышала о ней – кажется, профессор какого-то института на Земле. Но никогда не видела на Марсе.

– Она прилетела сегодня утром, – добавил Хассан, как будто читал её мысли. – По моей просьбе.

- Потому что...?

- Потому что, если в сигнале КХ-7 есть сообщение, она его найдёт.

Он прошёл к центральному столу, и остальные расступились, освобождая место. Голографический проектор ожил, выбросив в воздух трёхмерную модель – спектрограмму, которую Кармен знала наизусть. Но теперь она выглядела иначе. Слои были развёрнуты, как лепестки цветка, каждый уровень вложенности – отдельным кольцом.

Семь колец. Семь уровней.

– Это структура сигнала КХ-7 за последние три года их существования, – начал Хассан. – Оператор Охеда обнаружила аномалию три недели назад. Я подтвердил её выводы вчера. Сейчас мы имеем дело с чем-то, чего не видели раньше.

Чжан Вэй поднял руку – жест, выглядевший странно в этом контексте, как в школьном классе.

– Я изучил математическую основу. Фрактальная геометрия с золотым сечением в качестве базового коэффициента. Самоподобие на всех уровнях. Это... – Он замялся, подбирая слова. – Это красиво. В чисто математическом смысле.

– Красиво и смертоносно, – добавил Хассан. – Кармен, расскажите, что вы чувствуете при работе с этими данными.

Все повернулись к ней. Семь пар глаз – плюс Хассан, плюс его жена, которая наконец оторвалась от терминала. Девять человек ждали, что она скажет.

Кармен почувствовала, как горло сжимается. Она не привыкла быть в центре внимания. Четыре года ночных смен – это работа для тех, кто предпочитает оставаться в тени.

– Я... – Она откашлялась. – Сначала это было просто странно. Ощущение присутствия. Как будто кто-то смотрит из-за данных. Не враждебно, просто... смотрит.

– Продолжайте.

– Потом стало хуже. Сны. Образы, которые не имеют смысла, но кажутся важными. И... – Она замолчала. Как описать то, для чего нет слов?

– И желание вернуться, – закончила за неё Майя Торрес-Хассан. Её голос был низким, с лёгким акцентом. – Желание смотреть снова. Слушать снова. Погружаться глубже, даже когда знаешь, что это разрушает тебя.

Кармен кивнула, не в силах говорить. Эта женщина понимала. Откуда – неважно. Главное – понимала.

– Импринт, – сказал Хассан. – По крайней мере, так мы это называем. Эмоциональное воздействие, минуя когнитивную обработку. Прямое влияние на нейрофизиологию получателя.

– Теоретически невозможно, – заметил Маркос Сильва. – Чтобы сигнал воздействовал на мозг напрямую, он должен быть настроен под конкретную нейроархитектуру. А они не знали о нас. Мы обнаружили КХ-7 только после их гибели.

– Они не знали о нас, – согласилась Майя. – Но они знали о сознании. О том, как оно работает. На каком-то уровне, достаточно глубоком, чтобы создать универсальный ключ.

– Универсальный ключ?

– Страх, – сказала она просто. – Самая древняя эмоция. Самая базовая. Каждое разумное существо, независимо от биологии и эволюции, должно уметь чувствовать угрозу. Иначе оно не выживет достаточно долго, чтобы стать разумным.

Молчание. Кармен видела, как эта мысль проходит по лицам присутствующих – от недоверия к осознанию и обратно.

– Вы хотите сказать, что сигнал КХ-7 – это... оружие? – спросил кто-то из незнакомых.

– Не оружие. Предупреждение.

– Какая разница?

– Оружие направлено против врага. Предупреждение – защита для друга. – Майя повернулась к голограмме, указала на внутренние кольца структуры. – Видите эти слои? Внешние – фрактальный шум, маскировка. Средние – эмоциональный код, импринт. Но внутри...

Она сделала жест, и голограмма развернулась, показывая сердцевину структуры. Там, в центре семи колец, пульсировало что-то другое. Не хаос, не порядок. Организованная информация.

– Внутри – сообщение.

Хассан шагнул ближе.

– Вы смогли что-то прочитать?

– Частично. – Майя вызвала дополнительный экран. – Структура похожа на то, что я изучала двадцать лет – теоретические модели межвидовой коммуникации. Математическая база, потом химические обозначения, потом... – Она запнулась.

– Что?

– Потом язык. Настоящий язык. Не математика, не химия – слова. Или их эквивалент.

Кармен подалась вперёд, забыв о страхе. Слова. Сообщение от мёртвой цивилизации. То, ради чего она не спала три недели.

– Вы можете перевести? – спросила она.

– Я работаю над этим. – Майя помедлила. – Но процесс... непростой.

– Что вы имеете в виду?

Вместо ответа Майя сняла с уха наушник – крошечный, почти невидимый – и протянула Кармен.

– Послушайте.

Кармен посмотрела на наушник, потом на Хассана. Он кивнул – коротко, но с чем-то похожим на сочувствие в глазах.

– Это безопасно. Относительно. Мы отфильтровали импринт – насколько смогли. Осталась только информационная составляющая.

Она взяла наушник. Вставила в ухо.

И услышала.

Сначала – тишина. Потом – едва различимый шелест, как ветер в листьях или шёпот на незнакомом языке. Потом...

Голос.

Не человеческий. Не похожий ни на что, что Кармен слышала раньше. Модулированные тона, накладывающиеся друг на друга, создающие гармоники, которые резонировали где-то в глубине черепа. Не слова – но структура, которая *почти* была словами. Смысл, который *почти* доходил до сознания.

И под этим «почти» – страх. Не её страх – чужой. Огромный, древний, отчаянный. Страх существа, которое знает, что умирает, и пытается передать последнее послание. Страх, который был старше человечества.

Кармен сорвала наушник.

Руки тряслись. По щекам текли слёзы – она не заметила, когда начала плакать.

– Боже, – прошептала она. – Что это было?

Майя забрала наушник, её лицо было непроницаемым.

– Последние три месяца передачи КХ-7. Когда структура начала распадаться.

– Они знали, – сказала Кармен. Не вопрос. – Они знали, что умирают.

– Да. И пытались предупредить.

– О чём?

Майя повернулась к голограмме. Сделала ещё один жест – и внутреннее кольцо развернулось, показывая последовательность символов. Станных, незнакомых, но с регулярной структурой, указывающей на организованный язык.

– Я расшифровала первую фразу, – сказала она тихо. – Приблизительно. С большой погрешностью. Но...

– Но?

Она указала на символы.

– «Не отвечайте».

Тишина.

Кармен смотрела на символы – закорючки, которые ничего для неё не значили – и чувствовала, как холодная тень в животе превращается в нечто большее. В понимание.

– Не отвечайте, – повторил Хассан. Его голос звучал странно – плоско, без выражения. – Это всё?

– Нет. Это только начало. – Майя вызвала следующий сегмент. – Но дальше... дальше становится хуже.

– Хуже?

– Импринт усиливается. Чем глубже в сообщение – тем сильнее эмоциональное воздействие. Как будто они знали, что внешние слои могут быть проигнорированы, и вложили всю силу в середину. – Она посмотрела на Кармен. – Вы чувствовали это, верно? Желание погружаться глубже?

Кармен кивнула.

– Это не случайность. Это дизайн. Они *хотели*, чтобы мы погрузились. Чтобы добрались до сути. Даже если это... – Майя не договорила.

– Даже если это убьёт нас, – закончила Кармен.

Никто не возразил.

Следующие несколько часов слились в поток данных, гипотез и споров. Кармен сидела в углу, слушая, как учёные препарируют сигнал КХ-7, раскладывая его на составляющие. Математические закономерности. Физические константы. Химические формулы. Всё, что можно было измерить и описать.

Но никто не мог описать то, что она чувствовала. То холодное присутствие, которое смотрело из-за данных.

Или могли – но не хотели говорить об этом вслух.

К шести утра – когда марсианский рассвет окрасил небо за окнами купола в бледно-розовые тона – команда сделала первый серьёзный прорыв.

– Я нашёл корреляцию, – объявил Чжан Вэй. Его голос дрожал от возбуждения – или от усталости, Кармен не могла определить. – Структура внутреннего кольца. Она не уникальна.

– Что вы имеете в виду? – спросил Хассан.

– Я сравнил её с базой данных проекта «Эхо». Все 4 271 источник. И нашёл совпадения. На голограмме появились новые точки – красные маркеры, разбросанные по карте галактики.

– Четырнадцать источников. Четырнадцать цивилизаций, чьи сигналы содержат ту же базовую структуру. – Чжан Вэй увеличил один из маркеров. – LM-3. Самый старый и самый сильный источник.

– LM-3 молчит двенадцать тысяч лет, – заметил кто-то.

– Молчит – но её сигналы всё ещё достигают нас. Эхо прошлого. – Физик развернул ещё одну диаграмму. – И вот что интересно. Когда я выстроил все четырнадцать источников по времени, учитывая световые задержки...

Диаграмма превратилась в волну. Расходящуюся от одной точки.

– Цепочка, – сказала Майя. – Они передавали друг другу.

– Именно. LM-3 – начало. Потом – следующий источник. Потом – ещё один. И так далее, до КХ-7. – Чжан Вэй помолчал. – Четырнадцать цивилизаций за сорок тысяч лет. Эстафета.

– Эстафета чего? – спросила Кармен.

Все повернулись к ней. Она не планировала говорить – слова вырвались сами.

– Предупреждения, – ответил Хассан. – «Не отвечайте». Они передавали его друг другу. Из поколения в поколение. Из тысячелетия в тысячелетие.

– Но если они знали об опасности... почему погибли?

Тишина.

– Потому что передача – тоже ответ, – сказала Майя. Её голос был странно спокойным. – Каждая цивилизация в цепочке... они получали сообщение, расшифровывали его, добавляли свои данные и отправляли дальше. Но сам акт передачи... – Она не договорила.

– Сам акт передачи – это контакт, – закончил Хассан. – А контакт...

– Смерть, – прошептала Кармен.

Она вспомнила спектрограмму. Последние три месяца КХ-7. Хаос, повторы, петли. Отчаянные попытки передать сообщение, даже когда структура распадалась. Даже когда они знали, что это убивает их.

Потому что не передать было хуже.

Потому что молчание – тоже смерть. Только медленная.

– Сорок тысяч лет, – сказал Чжан Вэй тихо. – Сорок тысяч лет жертв. Цивилизация за цивилизацией. И мы – следующие в цепочке.

– Мы ещё ничего не передавали, – возразил кто-то.

– Мы вещаем в космос восемьдесят лет. – Хассан повернулся к карте, где светились 4 271 точка. – Радио, телевидение, радары, направленные послания. Восемьдесят лет криков: «Мы здесь! Услышьте нас!»

– Но это не то же самое, что...

– Нет. Не то же самое. Пока. – Он помолчал. – Но если мы расшифруем это сообщение до конца... если мы *поймём* его...

Он не договорил. Не нужно было.

Понимание – резонанс. Резонанс – смерть.

Кармен смотрела на голограмму – четырнадцать красных точек, цепочка жертв длиной в сорок тысячелетий – и чувствовала, как что-то меняется внутри неё. Страх никуда не делся. Но теперь к нему примешивалось другое.

Благоговение.

Четырнадцать цивилизаций. Четырнадцать разумных видов, которые знали, что обречены, – и всё равно пытались предупредить следующих. Которые платили жизнью за право передать два слова: «Не отвечайте».

Два слова, которые человечество проигнорировало восемьдесят лет назад.

Потому что не знало.

Теперь – знает.

– Что дальше? – спросила она.

Хассан посмотрел на жену. Что-то прошло между ними – короткий обмен взглядами, который значил больше, чем слова.

– Дальше – расшифровка, – сказала Майя. – Полная. До конца. Мы должны знать, что они пытались сказать.

– Даже если это убьёт нас?

– Особенно если это убьёт нас. – Она отвернулась к терминалу. – Потому что если мы не узнаем – кто-то другой попробует. И он может быть не так осторожен.

Кармен кивнула. Она понимала. Не разумом – глубже. Тем местом, которое три недели резонировало с сигналом мёртвой цивилизации.

Она подошла к своей станции. Вызвала архив КХ-7. Открыла тот самый файл – первый, который увидела по ошибке три недели назад.

Страх был там. Холодный. Огромный. Смотрящий.

Она не отвернулась.

– Расскажите мне, – прошептала она, не зная, слышит ли её кто-то кроме данных. – Расскажите, что случилось.

И начала работать.

К полудню они расшифровали ещё три фразы.

«Не отвечайте».

«Они идут».

«Если вы слышите – уже поздно».

Кармен смотрела на слова – три строчки на экране, простые и страшные – и чувствовала, как реальность смещается вокруг неё. Как будто пол под ногами стал зыбким, ненадёжным. Как будто всё, что она знала о мире, оказалось декорацией, за которой скрывалось нечто совсем другое.

«Они идут».

Кто – они? Сигнал не уточнял. Или уточнял – но в той части, которую ещё не расшифровали.

«Если вы слышите – уже поздно».

Поздно для чего? Для спасения? Для подготовки? Или просто – поздно?

Она оглянулась на команду. Все выглядели одинаково – бледные, осунувшиеся, с лихорадочным блеском в глазах. Никто не ушёл отдохнуть. Никто не попросил перерыв. Как будто сигнал КХ-7 держал их всех – невидимыми нитями, которые не давали отвернуться.

Зависимость от страха, подумала Кармен. Не только у меня. У всех.

Хассан стоял у голограммы, глядя на карту галактики. 4 271 точка. Четыре тысячи двести семьдесят одна молчащая цивилизация.

Теперь Кармен понимала – почему они молчат.

Не потому что не слышат. Не потому что не хотят отвечать.

Потому что знают цену ответа.

– Нам нужно сообщить, – сказал кто-то. – Совет ООН. Правительства. Все должны знать.

– Знать что? – спросил Хассан, не оборачиваясь. – Что мы обречены? Что восемьдесят лет криков в космос подписали нам смертный приговор?

– Мы не знаем этого наверняка. . .

– Нет. Не знаем. – Он наконец повернулся. – И не узнаем, пока не расшифруем сообщение до конца. Там может быть инструкция. Способ защиты. Или хотя бы объяснение – что именно нас ждёт.

– А если нет?

Хассан не ответил. Его молчание было красноречивее слов.

Кармен вернулась к своему терминалу. На экране мигал курсор – система ждала ввода. Следующий сегмент сигнала. Следующий слой боли.

Она надела наушники.

Голос вернулся – не сразу, а постепенно, как прилив. Модулированные тона, накладывающиеся друг на друга. Страх под поверхностью, глубокий и древний. И что-то ещё – что-то, чего она не слышала раньше.

Печаль.

Не отчаяние – именно печаль. Спокойная, принятая, как смерть близкого после долгой болезни. Те, кто записывал это сообщение, уже не боялись за себя. Они знали, что их конец неизбежен. Они скорбели – о тех, кто услышит.

О нас.

Кармен почувствовала, как слёзы снова текут по щекам. Не от страха – от этой печали. От осознания, что кто-то – кого она никогда не узнает, кого не было уже одиннадцать лет – думал о ней в свои последние дни. Заботился о ней. Пытался защитить.

И не смог.

Она слушала дальше. Минуту, две, пять. Голос менялся – становился быстрее, сбивчивее. Как будто время заканчивалось. Как будто они торопились сказать что-то важное, прежде чем...

Прежде чем.

Сигнал оборвался. Резко, без перехода. Один момент – голос. Следующий – тишина.

Кармен знала, что означает эта тишина. Видела на спектрограмме: 14 июля 2136 года, 07:23:41 UTC. Момент, когда КХ-7 перестала существовать.

Семь секунд – и ничего. Пустота на месте звезды.

Она сняла наушники медленно, как будто боялась нарушить что-то хрупкое. Руки не дрожали – впервые за три недели. Вместо страха внутри была... пустота? Нет, не совсем. Ясность. Холодная, кристальная ясность.

«Они шли к нам», – подумала она. – «Через бездну пространства и времени. Через собственную смерть. Чтобы сказать два слова».

Не отвечайте.

Но человечество уже ответило. Восемьдесят лет ответов. Сигналы, которые невозможно отозвать, летящие со скоростью света во все стороны. Приглашения, которые никто не просил.

Приглашения к смерти.

– Кармен?

Она подняла глаза. Майя Торрес-Хассан стояла рядом – когда подошла, Кармен не заметила.

– Вы в порядке?

Вопрос, на который не было честного ответа. Кармен попробовала улыбнуться – получилось плохо.

– Я слышала их. В конце. Они... – Она искала слова. – Они не боялись за себя. Только за нас.

Майя кивнула.

– Я знаю. Я тоже это чувствую. – Она села рядом, посмотрела на экран. – Импринт работает в обе стороны. Они передали нам страх, чтобы мы обратили внимание. Но под страхом... любовь. Странно звучит, да? Любовь от существ, которых мы никогда не видели.

– Это не странно, – сказала Кармен. – Это... единственное, что имеет смысл.

Она не могла объяснить, почему так сказала. Слова пришли сами – из того места, которое три недели резонировало с сигналом.

Может быть, это и есть контакт, подумала она. Не обмен информацией. Не расшифровка символов. А момент, когда чужой страх становится твоим. Чужая печаль – твоей. Когда границы между «я» и «они» размываются настолько, что перестают существовать.

Резонанс.

И если резонанс – смерть... тогда смерть – это не конец. Это растворение. Слияние. Превращение «я» в «мы».

Страшно.

И прекрасно.

– Мне нужен перерыв, – сказала она вслух. – Несколько часов сна.

Майя посмотрела на неё – долго, внимательно. Как будто видела что-то, чего не показывали глаза.

– Вы изменились, – сказала она наконец. – За эти три недели.

– Я знаю.

– Это необратимо. Вы понимаете?

Кармен кивнула. Она понимала. Что-то внутри неё сломалось – или открылось. Дверь, которую нельзя закрыть. Окно, через которое теперь всегда будет виден свет других звёзд.

Свет и тьма.

– Идите отдохните, – сказала Майя. – Мы продолжим без вас. А потом... потом поговорим.

О чём – она не уточнила. Но Кармен догадывалась.

Она встала, прошла мимо терминалов, мимо учёных, всё ещё погружённых в данные. Никто не обратил на неё внимания. Все были заняты – расшифровкой, анализом, попытками понять.

Понять то, что нельзя понять.

У двери она остановилась, обернулась. Голограмма всё ещё висела в центре комнаты – семь колец, развёрнутых, как лепестки. И в самом центре – слова.

«Не отвечайте».

«Они идут».

«Если вы слышите – уже поздно».

Три предложения. Четырнадцать цивилизаций. Сорок тысяч лет.

И где-то там, в глубине сигнала, – ещё что-то. Что-то, до чего они пока не добрались.

Что-то, ради чего стоило умереть.

Кармен вышла из лаборатории.

Коридор был пуст. Белые стены, холодный свет, гудение вентиляции. Обычный день в куполе «Надежда».

Обычный день в мире, который больше никогда не будет прежним.

Она шла к жилым модулям, и с каждым шагом реальность становилась всё более хрупкой. Как тонкий лёд над чёрной водой. Как кожа над пустотой.

«Если вы слышите – уже поздно».

Они слышали. Все слышали. Четыре года проекта «Эхо», семьдесят лет радиовещания, миллиарды слов, отправленных в космос.

И кто-то – что-то – слышал их в ответ.

Кармен не знала, что это было. Не знала, откуда оно придёт и когда. Знала только одно: цивилизация КХ-7 пожертвовала собой, чтобы передать предупреждение.

И человечество его услышало.

Слишком поздно – но услышало.

Теперь оставалось только ждать.

И готовиться к тому, что «они» придут.

Глава 3: Обед

Отец опаздывал. Снова.

Амир сидел за столом и смотрел, как мать переставляет тарелки – уже третий раз за последние десять минут. Слева направо, потом обратно. Поправляет вилки, разглаживает салфетки, проверяет, ровно ли стоят стаканы. Ритуал, который ничего не значил, кроме одного: она нервничала.

Он мог бы сказать ей, что отец не придёт. Или придёт поздно, когда еда остынет, и будет есть молча, уставившись в планшет с какими-то графиками. Так было последние... сколько? Месяц? Два? Амир потерял счёт.

Раньше это злило. Теперь – просто факт. Как марсианская гравитация или цвет неба за куполом.

– Он написал, что задержится, – сказала мать, не глядя на него. – Совещание затянулось.

– Угу.

– Амир.

– Что?

– Не «угу». Нормально ответь.

Он вздохнул.

– Хорошо, мам. Я услышал. Отец задерживается. Совещание. Как обычно.

Она посмотрела на него – тем взглядом, который означал: «Я знаю, что ты злишься, и я тоже злюсь, но мы не будем об этом говорить». Семейная традиция. Молчание как универсальный ответ на всё.

– Можем начать без него, – предложил Амир. – Я голодный.

– Подождём ещё немного.

Она села напротив. Не ела – просто сидела, глядя на дверь. Как будто могла силой мысли заставить отца появиться.

Амир достал коммуникатор, открыл ленту. Ничего интересного: посты одноклассников, новости из Земли (с задержкой в двадцать минут – привет, скорость света), реклама каких-то игр. Обычный мусор, которым он забивал время между школой и сном.

Сообщение от Хилай.

«Ты видел новости?»

Он нахмурился. Какие новости? Пролистал ленту – ничего особенного. Очередной политический скандал на Земле, запуск нового корабля к Юпитеру, что-то про климатические протесты в Европе.

«Какие?» – написал он.

Ответ пришёл через секунду:

«Проект Эхо. Утечка. Говорят, они что-то нашли».

Амир почувствовал, как что-то холодное шевельнулось в животе. Проект «Эхо» – это работа отца. То, ради чего они переехали на Марс пять лет назад. То, о чём отец никогда не говорил дома, как будто это была государственная тайна.

Может, и была.

«Что нашли?» – спросил он.

«Не знаю. Никто толком не говорит. Но в школе все обсуждают».

Школа. Точно. Он пропустил сегодня – простуда, настоящая, не придуманная. Мать решила остаться дома. Редкость.

«Что обсуждают?»

Пауза. Потом:

«Завтра расскажу. Это... странно».

Странно. Хилай редко использовала это слово. Она была из тех, кто называл вещи своими именами – даже когда это было неудобно. Особенно когда неудобно.

Амир хотел спросить ещё, но дверь открылась.

Отец.

Он выглядел... плохо. Серое лицо, красные глаза, помятая одежда. Как будто не спал несколько дней. Или неделю.

– Прости, – сказал он, проходя к столу. – Задержался.

Мать встала, начала накладывать еду. Суп, хлеб, салат – всё синтетическое, марсианское, с привкусом, к которому Амир так и не привык. Отец сел, взял ложку, но есть не начал. Просто смотрел в тарелку.

Тишина.

Амир ненавидел эту тишину. Она была плотной, осязаемой, как стена между ними. Раньше – когда он был младше – он пытался её разрушить. Задавал вопросы, рассказывал о школе, шутил. Теперь понимал: стена не снаружи. Она внутри них.

– Как прошёл день? – спросила мать. Дежурный вопрос, дежурным тоном.

– Нормально.

Одно слово. Универсальный ответ отца на всё, что касалось работы.

– Совещание было долгим?

– Да.

– О чём?

Пауза. Отец поднял глаза – и Амир увидел в них что-то, чего не видел раньше. Не усталость. Не раздражение. Страх? Нет, не совсем. Что-то более сложное.

– Рабочие вопросы, – сказал отец наконец. – Ничего интересного.

Ложь. Амир знал это так же точно, как знал, что за окном – марсианская пустыня. Отец никогда не был хорошим лжецом. Просто обычно никто не обращал внимания.

Мать, кажется, тоже заметила. Её рука замерла над тарелкой – на секунду, не больше. Потом она продолжила есть, как будто ничего не произошло.

– Амир болел сегодня, – сказала она, меняя тему. – Остался дома.

– Болел? – Отец посмотрел на него. – Что случилось?

– Простуда. Ничего серьёзного.

– Ты принял лекарства?

– Да.

– Хорошо.

Снова тишина. Суп остывал. Никто не ел.

Амир думал о сообщении Хилай. «Проект Эхо. Утечка. Говорят, они что-то нашли». Что могли найти? Сигнал от инопланетян? Доказательство внеземной жизни? Или что-то другое – что-то, от чего отец выглядит так, будто не спал неделю?

– Пап, – начал он, не до конца понимая, что собирается сказать. – В школе говорят...

– Что говорят?

Голос отца стал резким. Защитным. Амир узнал этот тон – так отец разговаривал, когда не хотел отвечать на вопросы.

– Ничего, – сказал он. – Неважно.

– Амир.

– Я сказал – неважно.

Они смотрели друг на друга – несколько секунд, которые растянулись в вечность. Потом отец отвёл взгляд. Вернулся к супу. Начал есть – механически, без аппетита.

Мать смотрела на них обоих с выражением, которое Амир не мог прочитать. Печаль? Усталость? Страх?

– Надир, – сказала она тихо. – Может, стоит...

– Не сейчас.

– Но...

– Я сказал: не сейчас.

Два слова. Отрезали разговор, как нож. Мать замолчала. Опустила глаза.

И вот тогда это случилось.

– Как тогда, – прошептала она. Почти беззвучно. Почти про себя.

Но Амир услышал. И отец – тоже.

Он замер. Рука с ложкой повисла в воздухе. Лицо – Амир никогда не видел у отца такого лица. Как будто кто-то выдернул пробку из ванны, и всё – контроль, маска, броня – начало утекать.

– Майя, – сказал он. Предупреждение.

– Прости. Я не...

– Не здесь.

Мать кивнула. Быстро, виновато. Опустила глаза ещё ниже.

Амир смотрел на них и чувствовал, как внутри него что-то щёлкает. Как будто фрагменты пазла, которые он годами игнорировал, вдруг начали складываться в картину.

«Как тогда».

Когда – тогда? О чём она говорила?

Он знал, что не получит ответа. Не сегодня. Может быть, никогда. Потому что это была ещё одна стена – невидимая, но прочная. Стена между родителями, которую он чувствовал всю жизнь, но никогда не мог назвать.

Теперь у неё было имя. «Тогда».

Что-то случилось. Давно. Что-то, о чём они не говорили. Что-то, что до сих пор стояло между ними – молчаливое, болезненное, живое.

– Можно выйти? – спросил он.

– Ты не доел, – сказала мать.

– Не голодный.

Она хотела возразить – он видел это по губам, по глазам. Но потом посмотрела на отца, на его застывшее лицо, и передумала.

– Хорошо. Иди.

Амир встал. Взял коммуникатор со стола. Пошёл к себе.

У двери остановился. Обернулся.

Родители сидели за столом – каждый в своём молчании. Не смотрели друг на друга. Не разговаривали. Два человека в одной комнате, разделённые чем-то большим, чем расстояние.

Он закрыл дверь.

Комната была маленькой – стандартный жилой модуль, шесть квадратных метров. Кровать, стол, стул, шкаф. Окно, выходившее на внутренний двор купола. Ничего лишнего. Марсианский минимализм.

Амир лёг на кровать, уставился в потолок. Белый, гладкий, безликий. Как всё в этом месте.

Пять лет. Пять лет на Марсе. Он приехал сюда одиннадцатилетним – достаточно взрослым, чтобы помнить Землю, достаточно молодым, чтобы адаптироваться. Теперь ему шестнадцать. Почти взрослый. По крайней мере, так ему казалось.

Коммуникатор завибрировал. Хилай.

«Ты там?»

«Да».

«Что случилось? Ты ушёл посреди разговора».

Он не знал, что ответить. Как объяснить то, что произошло за ужином? «Мои родители странно себя ведут» – звучит как жалоба пятилетнего. «Отец что-то скрывает» – очевидно для любого, кто его знал.

«Семейный ужин», – написал он. – «Весело, как всегда».

Хилай не ответила сразу. Она знала про его семью. Знала, что ужины – минное поле. Знала, что Амир ненавидит говорить об этом.

Потом:

«Мне нужно тебе кое-что рассказать. Не по сети. Завтра в школе».

«Что именно?»

«Про твоего отца».

Холод в животе вернулся. Сильнее, чем раньше.

«Что про него?»

«Завтра. Это важно».

Амир смотрел на экран, пытаясь придумать ответ. Но что тут скажешь? Хилай не была из тех, кто драматизирует. Если она говорит «важно» – значит, важно.

«Ладно. Завтра».

Он отложил коммуникатор. Закрыв глаза.

Отец что-то нашёл. Утечка. Слухи в школе. «Как тогда». Мать, которая чуть не сказала что-то важное и осеклась. Отец, который посмотрел на неё так, будто она предала его.

Фрагменты пазла. Но какую картину они складывают?

Амир не знал. И это бесило его больше всего.

Он вырос в семье учёных. Мать – лингвист, специалист по мёртвым языкам и межвидовой коммуникации. Отец – астрофизик, директор проекта «Эхо», человек, который искал инопланетян с тех пор, как Амир себя помнил. Наука была их религией, логика – молитвой.

Но когда дело касалось семьи, логика куда-то девалась. Оставались только молчание, недосказанность и стены.

Он помнил, как в детстве пытался понять, что происходит между родителями. Почему мать иногда смотрит в пустоту с выражением, которое он не мог прочесть. Почему отец работает до полуночи, даже когда не нужно. Почему они редко разговаривают – по-настоящему разговаривают, а не обмениваются репликами о погоде и расписании.

Он так и не понял. В какой-то момент перестал пытаться.

Теперь – снова начинал.

«Как тогда».

Когда – тогда? Двадцать лет назад? Тридцать? До его рождения?

Он открыл глаза. Сел на кровати. Взял коммуникатор и открыл поисковик.

«Надир Хассан».

Результаты: 4 372 совпадения. Статьи, интервью, научные публикации. Фотографии с конференций, видеозаписи выступлений. Публичная жизнь публичного человека.

Он пролистал несколько страниц. Ничего интересного. Отец говорил о радиотелескопах, о поиске внеземных сигналов, о важности международного сотрудничества. Стандартные темы. Стандартные слова.

«Майя Торрес-Хассан».

2 891 совпадение. Меньше, чем у отца, но всё равно много. Мать была известна в своей области – её работы по теоретической ксенокоммуникации цитировались везде. Амир прочитал несколько заголовков: «Универсальные принципы межвидового общения», «Математика как мост между цивилизациями», «Возможен ли контакт? Философские и лингвистические аспекты».

Ничего о «тогда». Ничего личного. Ничего, что объясняло бы взгляд отца за ужином.

Он попробовал другой подход.

«Майя Торрес + Надир Хассан + инцидент».

Ноль результатов.

«Майя Торрес + проект Эхо + аномалия».

Ноль.

«Надир Хассан + секрет».

Три результата. Все – о научных открытиях, которые он не публиковал сразу. Ничего личного.

Амир откинулся на подушку. Разочарование смешивалось с раздражением. Он знал, что ищет не там – семейные тайны не попадают в интернет. Но других инструментов у него не было.

Или были?

Он думал о Хилай. О её отце, который сидел в тюрьме за то, что слил информацию о проекте «Эхо». Маркус Вессон, журналист. Человек, который верил, что люди имеют право знать.

Хилай не любила говорить об отце. Но иногда – редко – рассказывала вещи, которые не попадали в новости. О том, как он работал ночами. О папках с документами, которые прятал от семьи. О том, как однажды – за неделю до ареста – сказал ей: «Если со мной что-то случится, помни: я делал это ради вас. Ради всех».

Ради всех.

Что он нашёл? Что было настолько важным, что он рискнул всем – свободой, семьёй, жизнью?

И связано ли это с тем, что происходит сейчас?

Коммуникатор снова завибрировал. Не Хилай – уведомление из школьной сети.

«Напоминание: завтра контрольная по физике. Темы: волновая механика, электромагнитное излучение, основы радиоастрономии».

Амир усмехнулся. Ирония. Отец всю жизнь занимался радиоастрономией – а сын едва вытягивал на тройку.

Не потому что не мог. Потому что не хотел.

Это было глупо, он понимал. Ребяческий бунт против родителя, который и так не обращал на него внимания. Но каждый раз, когда он открывал учебник физики, внутри что-то сжималось. Как будто, изучая звёзды, он становился ближе к отцу – а ближе к отцу он не хотел. Не так.

Хотя... может, именно так?

Он думал об этом часто – в те редкие моменты, когда позволял себе думать о семье. Что было бы, если бы отец больше времени проводил дома? Если бы интересовался его жизнью не формально – «как школа?», «ты здоров?» – а по-настоящему? Если бы они могли разговаривать, как нормальные люди?

Но они не могли. Никогда не могли.

И виноват был не только отец.

Амир знал это. Знал, что сам строил стены – из сарказма, из молчания, из демонстративного безразличия. Знал, что каждый раз, когда отец пытался заговорить, он отталкивал его – не словами, так тоном. Защитный механизм. Бить первым, чтобы не ударили тебя.

Но сегодня что-то изменилось.

Он видел страх в глазах отца. Настоящий страх – не усталость, не раздражение. Что-то, что пробило даже его броню.

И слова матери: «Как тогда».

Связь. Между прошлым и настоящим. Между тайной родителей и тем, что происходило на работе отца.

Амир хотел знать. Впервые за долгое время – действительно хотел.

Он не помнил, как заснул. Просто в какой-то момент потолок над головой стал расплываться, мысли – путаться, и он провалился в темноту.

Сны были странными.

Коридоры. Длинные, белые, бесконечные. Двери без ручек. Голоса – не слова, а что-то похожее на голоса, как эхо в пустом зале. Он шёл, и коридоры менялись вокруг него: сужались, расширялись, закручивались спиралью. Где-то впереди было что-то важное – он знал это, чувствовал. Но каждый раз, когда приближался, оно отодвигалось.

И страх. Не его страх – чужой. Древний, огромный, обволакивающий. Как будто кто-то смотрел на него из-за стен. Из-за реальности.

Он проснулся от звука.

Голоса. За дверью комнаты.

Родители.

Амир замер, прислушиваясь. Цифры на часах показывали 02:17. Середина ночи. Почему они не спят?

– ...не можем молчать, – говорила мать. Её голос был напряжённым, на грани срыва. – Люди имеют право знать.

– Знать что? – Отец. Усталый, раздражённый. – Что мы обречены? Что всё, что мы делали восемьдесят лет, было ошибкой?

– Что мы не одни. Что там, в космосе, кто-то есть. Разве этого мало?

– Кто-то есть. И этот кто-то молчит. Намеренно.

Пауза. Амир затаил дыхание.

– Ты боишься, – сказала мать. Не вопрос – констатация.

– Да. Боюсь.

– Чего?

– Того, что будет, когда правда выйдет наружу. Паники. Хаоса. Религиозных войн. Всего, что мы видели после Вессона, – но в тысячу раз хуже.

– Вессон рассказал только часть правды. Самую страшную часть.

– И этого хватило, чтобы мир встал на уши. Представь, что будет, когда узнают остальное.

– Может, узнают и справятся.

– Или не справятся. – Голос отца стал тише. – Майя, я видел данные. Я видел, что произошло с КХ-7. Семь секунд – и ничего. Тринадцать миллиардов... существ. Как будто их никогда не было.

Тишина. Долгая, тяжёлая.

– Ты думаешь, это случится с нами, – сказала мать.

– Я не знаю. Никто не знает. В этом проблема.

– Но молчать – не выход.

– А говорить – выход? Что ты предлагаешь? Выйти на площадь и объявить: «Внимание, граждане! Есть небольшой шанс, что все мы умрём, и ничего нельзя сделать»?

– Можно хотя бы попытаться. Хотя бы дать людям шанс...

– Шанс на что? На истерику? На массовые самоубийства? На войны за последние ресурсы?

– На прощание. – Голос матери дрогнул. – На то, чтобы провести последние дни с теми, кого любишь. Вместо того чтобы работать до полуночи и не замечать собственную семью.

Удар. Прямой, жёсткий. Амир слышал, как отец замолчал – слышал паузу, которая была громче любых слов.

– Это нечестно, – сказал отец наконец.

– Это правда.

– Я работаю, чтобы защитить вас.

– Ты работаешь, чтобы сбежать от нас.

Снова тишина. Амир представил их – стоящих по разные стороны комнаты, разделённых пропастью, которую оба отказывались признавать.

– Может, ты права, – сказал отец. Его голос звучал странно – не злым, не защитным. Просто уставшим. – Может, я действительно сбегаю. Но знаешь что? Там, в работе, есть хотя бы иллюзия контроля. Иллюзия, что я могу что-то изменить.

– А здесь?

– Здесь я бессилён. Всегда был.

Шаги. Скрип двери. Потом – тишина.

Амир лежал неподвижно, глядя в темноту. Сердце колотилось так, будто он бежал марафон.

КХ-7. Тринадцать миллиардов. Семь секунд.

Он не понимал всего – обрывки разговора не складывались в полную картину. Но понимал достаточно.

Отец нашёл что-то. Что-то страшное. Что-то связанное со смертью – не одного человека, не тысячи. Целой цивилизации.

И это «что-то» могло произойти с ними.

С Землёй. С Марсом. С человечеством.

Он думал о Хилай. О её отце, который сидел в тюрьме за правду. О словах, которые Маркус Вессон сказал дочери: «Я делал это ради вас. Ради всех».

Теперь Амир начинал понимать – ради чего.

Утро пришло слишком быстро.

Амир не выспался – после ночного разговора родителей он ворочался до рассвета, пытаясь сложить услышанное в осмысленную картину. КХ-7. Смерть цивилизации. Молчание. Страх.

И фраза матери, которую он не мог выбросить из головы: «Как тогда».

За завтраком всё было как обычно. Мать готовила кашу, отец пил кофе, уставившись в планшет. Никто не упоминал ночной спор. Никто не смотрел друг на друга.

Амир ел молча, наблюдая за ними. Странное чувство – как будто он смотрел на знакомых людей через стекло. Те же лица, те же жесты. Но теперь он знал: за фасадом – что-то другое. Что-то, что они прятали от него всю жизнь.

– Ты в порядке? – спросила мать. – Выглядишь усталым.

– Нормально. Плохо спал.

– Температура?

– Нет, мам. Просто плохо спал.

Она кивнула, вернулась к плите. Отец даже не поднял глаз.

Амир закончил завтрак, взял рюкзак, вышел из дома.

Школа находилась в пятнадцати минутах ходьбы – по крытым переходам, соединявшим жилые и общественные секторы купола. Обычно он шёл с музыкой в наушниках, не обращая внимания на окружающих. Сегодня – выключил музыку. Слушал.

Разговоры вокруг были странными. Обрывки фраз, которые он ловил на ходу:

– ...говорят, они что-то нашли...

– ...мой дядя работает в «Эхо», он не спал три дня...

– ...конец света, представляешь? Как в кино...

– ...бред, очередная утка...

– ...а если правда?..

Амир ускорил шаг.

У входа в школу его ждала Хилай.

Она выглядела... не такой, как обычно. Хилай была из тех людей, которые всегда казались собранными, уверенными – даже когда весь мир рушился вокруг. Сейчас – что-то в её глазах говорило, что собранность даётся ей с трудом.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

– Пойдём. Нужно поговорить.

Она повела его за угол, в небольшой тупик между зданиями – место, где они иногда прятались от уроков. Никто не ходил сюда, кроме них.

– Что случилось? – спросил Амир. – Ты вчера написала про отца...

– Я знаю, что нашёл твой отец, – сказала Хилай. Прямо, без предисловий. – Или часть этого.

Он замер.

– Откуда?

– Источники. – Она не улыбнулась. – Мой папа сидит в тюрьме, но его друзья – нет. Они следят за проектом «Эхо». Следят за всем, что там происходит.

– И что они говорят?

Хилай помолчала. Её взгляд скользнул по сторонам – проверяла, нет ли свидетелей.

– Правда, что твой отец открыл конец света? – спросила она вдруг.

Вопрос ударил его в грудь, как физическая сила. Амир открыл рот, закрыл. Не знал, что сказать.

– Я... – начал он.

– Потому что это то, что говорят. – Хилай не дала ему закончить. – Говорят, что проект «Эхо» нашёл сигнал от мёртвой цивилизации. Говорят, что эта цивилизация погибла за несколько секунд – вся целиком. Говорят, что в сигнале было предупреждение.

– Какое предупреждение?

– «Не отвечайте».

Три слова. Простые. Страшные.

Амир вспомнил ночной разговор родителей. КХ-7. Тринадцать миллиардов. Семь секунд.

– Это правда? – спросила Хилай. – Твой отец нашёл это?

– Я не знаю. – Он слышал, как его голос дрожит. – Они ничего мне не говорят.

– Но ты что-то знаешь.

– Я слышал их ночью. Родителей. Они спорили. – Он замялся. – Отец говорил о чём-то, что произошло с какой-то цивилизацией. О том, что все они умерли. И о том, что... – Он не мог закончить.

– О том, что это может случиться с нами, – закончила Хилай.

Он кивнул.

Она молчала долго. Смотрела на него – и в её глазах было что-то, чего он никогда раньше не видел. Не страх. Решимость.

– Мой отец знал, – сказала она наконец. – Не всё. Только часть. Но он знал, что проект «Эхо» скрывает что-то важное. Что-то, что касается всех. Поэтому он рассказал.

– И попал в тюрьму.

– И попал в тюрьму. – Она не отвела взгляд. – Но он был прав. Люди должны знать.

– Даже если знание... – Амир искал слова. – Даже если от этого станет хуже?

– Хуже, чем что? Чем конец света? – Хилай покачала головой. – Мой папа всегда говорил: ложь не защищает. Она только откладывает боль. И когда правда выходит наружу – а она всегда выходит – боль становится сильнее.

Амир думал о родителях. О их молчании. О стенах, которые они строили всю жизнь.

– Может быть, – сказал он тихо.

– Не может быть. Точно. – Хилай шагнула ближе. – Слушай. Я не знаю, что именно нашёл твой отец. Но я знаю, что это важно. И я знаю, что они будут это скрывать – как скрывали раньше.

– И что ты предлагаешь?

Она помедлила. Потом:

– Узнать. Самим.

– Как?

– У твоего отца есть доступ к данным проекта «Эхо». Высший уровень. Всё, что они нашли, – он может видеть.

– Ты хочешь, чтобы я... – Амир не договорил. Понял.

– Я хочу, чтобы мы узнали правду. – Хилай смотрела на него прямо, без уловок. – Ты со мной?

Он должен был сказать «нет». Должен был сказать, что это безумие, что они – подростки, что это не их дело. Должен был отойти, вернуться в школу, забыть этот разговор.

Вместо этого он подумал о ночи. О страхе в глазах отца. О словах матери: «Как тогда».

О пропасти между ними – пропасти, которую он больше не мог игнорировать.

– Да, – сказал он. – Я с тобой.

День прошёл как в тумане.

Амир сидел на уроках, но не слышал ничего. Учителя говорили о волновой механике, о законах термодинамики, о химических реакциях – а он думал о том, что услышал ночью. И о том, что сказала Хилай.

«Правда, что твой отец открыл конец света?»

Он не знал ответа. Не был уверен, что хочет знать.

Но молчание – молчание, в котором он вырос, – больше не казалось приемлемым.

После школы он вернулся домой. Родители были на работе – как обычно. Квартира пустовала.

Амир сел за стол отца. Терминал был заблокирован – конечно, заблокирован. Отец никогда не оставлял его открытым.

Но Амир знал пароль.

Не потому что отец сказал ему. Потому что однажды – года два назад – он видел, как отец его вводит. Быстро, не задумываясь. Амир тогда не придал этому значения. Запомнил машинально, как бесполезный факт.

Теперь – вспомнил.

Он набрал символы. Терминал мигнул – и разблокировался.

Рабочий стол отца. Папки, документы, ярлыки программ. Большинство – непонятные, с научными названиями. Но одна папка выделялась.

«КХ-7».

Амир замер. Рука повисла над экраном.

Если он откроет – обратного пути не будет. Отец узнает. Рано или поздно – узнает. И тогда...

Тогда – что? Скандал? Наказание? Или, может быть, разговор? Настоящий разговор, которого у них не было никогда?

Он не знал.

Но знал одно: он устал не знать.

Амир открыл папку.

Файлы. Десятки файлов. Спектрограммы, отчёты, видеозаписи. И один документ – в самом верху списка, помеченный красным.

«Расшифровка. Предварительная. СЕКРЕТНО».

Он открыл его.

Первые строки были техническими – описание методов анализа, ссылки на алгоритмы, какие-то формулы. Амир пролистал дальше. И остановился.

В центре экрана – три фразы. Простые. Короткие.

«Не отвечайте».

«Они идут».

«Если вы слышите – уже поздно».

Амир смотрел на слова. Читал их снова и снова. Пытался понять – что они значат? Кто их написал? И почему отец выглядел так, будто увидел конец мира?

Потому что, может быть, – увидел.

Он закрыл файл. Закрыл папку. Вышел из терминала.

Сидел неподвижно, глядя в пустоту.

«Они идут».

Кто – они? Откуда идут? И что случится, когда придут?

Вопросы, на которые не было ответов. Вопросы, которые взрослые – его родители, учёные, правительства – либо не знали, либо скрывали.

Но теперь знал он.

Часть правды. Обрывок. Достаточный, чтобы понять: мир стоит на краю чего-то огромного.

И никто – никто – не говорил об этом.

Амир достал коммуникатор. Написал Хилай:

«Ты была права. Отец нашёл что-то».

Ответ пришёл мгновенно:

«Что именно?»

Он думал несколько секунд. Потом:

«Предупреждение. От тех, кто умер».

Пауза. Долгая.

«Встретимся завтра. Нужно решить, что делать».

Что делать. Как будто у них были варианты. Как будто двое шестнадцатилетних могли изменить что-то в мире, где взрослые контролировали всё.

Но Амир вспомнил отца Хилай. Маркуса Вессона. Человека, который поверил, что правда важнее страха.

Человека, который заплатил за эту веру свободой.

Может быть, думал Амир, и они могут заплатить. Не обязательно свободой. Может быть – чем-то меньшим. Может быть – ничем.

Но молчать больше он не мог.

«Хорошо», – написал он. – «Завтра».

Закрыл коммуникатор. Откинулся на спинку стула.

За окном марсианский закат окрашивал небо в оттенки розового и фиолетового. Пыль в атмосфере рассеивала свет, создавая цвета, невозможные на Земле. Красиво. Чуждо.

Амир смотрел на закат и думал о том, что там, за пределами купола, – пустота. Холод. Смерть.

И где-то ещё дальше – в глубинах космоса – что-то, что убило целую цивилизацию за семь секунд.

Что-то, что могло прийти сюда.

«Если вы слышите – уже поздно».

Он слышал.

Теперь – нужно было решить, что с этим делать.

Вечером родители вернулись почти одновременно – редкость. Обычно отец задерживался на работе до полуночи. Сегодня – пришёл в семь.

Ужин был странным. Не плохим – странным. Мать приготовила настоящую еду, не синтетику. Отец отложил планшет. Они даже разговаривали – о погоде (какой может быть погода на Марсе?), о каких-то общих знакомых, о выставке в культурном центре купола.

Как будто ничего не случилось. Как будто ночного спора не было. Как будто мир не стоял на краю пропасти.

Амир смотрел на них и чувствовал странную смесь злости и жалости. Они притворялись. Оба. Играли роли нормальной семьи, потому что так было проще.

Или потому что не умели по-другому.

– Как школа? – спросила мать.

– Нормально.

– Контрольная была?

– Завтра.

– Ты готовился?

– Да.

Ложь. Он не открывал учебник. Но какое это имело значение?

Отец посмотрел на него – долгим, изучающим взглядом. Как будто видел что-то, чего не замечал раньше.

– Ты в порядке? – спросил он.

Амир замер. Это был первый раз за... он не мог вспомнить, когда отец задавал ему этот вопрос. По-настоящему задавал, а не формально, между другими делами.

– Да, – сказал он. – В порядке.

– Уверен?

– Уверен.

Они смотрели друг на друга. Секунду, две, три. Амир чувствовал, как что-то дрожит на границе – слова, которые оба хотели сказать и не могли.

Потом отец отвёл взгляд. Вернулся к еде.

Момент прошёл.

Но Амир запомнил. Запомнил этот взгляд – усталый, испуганный, полный чего-то, что он не мог назвать. Любовь? Может быть. Или вина. Или и то и другое.

После ужина он ушёл к себе. Лёг на кровать. Смотрел в потолок.

Три фразы крутились в голове, как заевшая пластинка.

«Не отвечайте».

«Они идут».

«Если вы слышите – уже поздно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.